

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

РУССКИЙ БЫТ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОИКОВ XVIII век

«Галантный» век в России

Коллектив авторов

Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6291560

Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век: АСТ: Астрель;

Москва; 2012

ISBN 978-5-271-38612-1, 978-5-17-076730-4

Аннотация

Россия XVIII века – интереснейший период отечественной истории, о котором написаны тысячи книг, созданы сотни кинофильмов. Тем не менее взгляд современников на события «изнутри» раскрывает особенности жизни и высшего света, и провинциального дворянства, и военных, и крестьянства, нравы и обычаи в столицах и на окраинах России. Дворцовые перевороты и итоги царствований, победы и поражения, праздники и будни, заграничные путешествия и жизнь провинции, реформы и преобразование чиновников – все это и многое другое собрано на страницах этой увлекательной книги. Рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

Содержание

«О, яд воспоминаний...»	5
От составителей	29
Часть I (1697–1725 гг.)	33
Русские за границей	33
Путешествие Петра I за границу	33
Современники Петра I за границей	63
Первые впечатления	63
В Италии	65
Путевые заметки	72
В Германии, Голландии и Англии	82
Дома – после зарубежных поездок	89
Усмирение стрельцов	89
1.	89
2.	97
Петр в Москве	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век

© ООО «Издательство Астрель»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*К 100-летию основания кооперативного
издательства «Задруга» (1911–1923)*

«О, яд воспоминаний...»

Яд ли? Ведь много столетий читатели мемуарной литературы думали: «О, сладость воспоминаний». Вероятно, все зависит от того, как читать. Действительно, трудно найти литературный жанр, пользующийся таким читательским вниманием и доставляющий такое удовольствие. Разве только исторические романы, сочиненные настоящими писателями, могут составить конкуренцию всевозможным запискам, воспоминаниям и разнообразным «письмам издалёка».

Профессиональные историки иногда не без иронии относятся ко всякого рода воспоминателям, но с годами все чаще и чаще обращаются к их сочинениям, которые зачастую служат единственным историческим источником сведений о том или ином событии давно прошедших эпох. Если ж собрать отрывки из воспоминаний, то может получиться более или менее целостная картина жизни не только отдельной личности, села или города, но и целого государства в определенную эпоху. Картина может получиться не только целостной и объективной, но и весьма тенденциозной, дабы на фактах доказать взгляды той или другой исторической школы. Настоящее издание исключением не стало.

Книга «Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век» (в дальнейшем просто «Русский быт XVIII века») появилась на свет ровно сто лет тому назад и с той поры поль-

зуется неизменным интересом читателя, хотя найти ее в какой-то домашней библиотеке – дело сложное. В московских Исторической и бывшей Ленинской библиотеках книга давно зачитана, что называется, до дыр. Первыми же, еще дореволюционными читателями книги стали гимназисты и реалисты – учащиеся гимназий и реальных училищ, а также студенты-историки и юристы, к которым в первую очередь она была обращена. Историческая литература в России со времен Н.М. Карамзина также была любимым домашним чтением, предназначенным не только для относительно небольшого круга любителей истории, к которым относил себя даже предпоследний русский император Александр III. Таким образом, эта книга оказалась востребована самым широким кругом читателей, как только сошла с типографского станка.

Ее давно бы следовало переиздать, но имелось одно малоприятное обстоятельство – фамилия на титульном листе. Она принадлежала историку, чье имя в СССР находилось под строжайшим запретом. Разрешалось только «критическое осмысление» его воззрений, под которым подразумевалась исключительно оголтелая ругань, можно было не утруждать себя аргументами – вполне достаточно цитаты из Ленина. На самом деле составителем книги являлась только супруга историка, но этот факт спасал книгу лишь от спецхрана. Ведь не всякий рядовой читатель мог догадаться о таком зловердном с идеологической точки зрения родстве.

Первая часть книги «Русский быт в воспоминаниях со-

временников. XVIII век» вышла в московском кооперативном издательстве «Задруга» в 1911 году. Ее составили Прасковья Евгеньевна Мельгунова, Константин Васильевич Сивков и Н.П. Сидоров. В «Задруге» умели создавать книги, которые не только содержанием, но и внешним видом доставляли удовольствие. Отличная бумага, широкие поля, свободный набор буквально ласкали взгляд читателя давно минувших времен. Десять лет спустя вышла в свет вторая часть книги. Желтая, едва не оберточная бумага, тесный набор, выполненный уже по новой, пролетарской орфографии, и явно урезанное содержание. Однако и такое издание появилось на свет не без труда. Новые власти боялись «Задруги» и ее сотрудников никак не меньше, чем царские.

Что же было страшного в XVIII столетии? Его историки. Так, императрица Екатерина Великая искренне опасалась зловерного язычка князя-рюриковича Михаила Михайловича Щербатова. Князь осуждал царицу и ее предшественников на троне за... излишний либерализм и мягкотелость, хотя заниматься ему следовало бы в первую очередь своей семьей. Весь XIX век его сиятельные потомки упражнялись в разнообразных революционных преобразованиях России – от декабристов до... В начале века XX потомство выдающегося историка значилось уже среди членов ЦК партии кадетов. Объективно они немало помогли расшатыванию государственных основ старой России, что и привело страну к октябрю 1917 года. В 1937-м, а кое-кто из них непосред-

ственно в 1917-м, сполна ощутили благодарность «трудового народа».

Удивительно велико оказалось число дворянских революционеров в истории России. Несколько меньше имелось историков страны, придерживавшихся продворянской ориентации – и правой, и левой. Не последнее место в их среде занимали дворяне Мельгуновы. Сергей Петрович Мельгунов, любимый супруг составительницы книги Прасковьи Евгеньевны, происходил из столбового, но мелкопоместного дворянства. Мельгуновы долго не могли приблизиться к царскому трону, а раз, при императрице Екатерине Великой, приблизившись, не смогли удержаться на сановной лестнице – слишком сильна оказалась тяга ко всему истинно дворянскому – картам, пьянству и порке крепостных. С годами крепостные все меньше и меньше приносили хозяевам денег, а пить да гулять от поколения к поколению хотелось все больше и больше. А раз так – нужны изменения, но не в собственном, дворянском образе жизни, а в государстве вообще. Мельгуновы и их родня по мужской и женской линиям познали все революционные дороги – от высоких степеней масонства и до декабристских организаций. Дед Сергея Петровича по матери Ф.А. Грушецкий приходился двоюродным братом двум декабристам из рода Муравьевых-Апостолов – повешенному и расстрелянному на поле боя. Его тоже привлекли к следствию в связи с «декабрьской историей», но следствием все и кончилось.

Тяжка оказалась жизнь многих поколений Мельгуновых. Отец Сергея Петровича – блестящий выпускник Московского университета, соученик В.О. Ключевского, вполне мог бы сделать карьеру ученого-историка, но опубликовал только одну учебную книгу, много занимался исследовательской работой, но более всего исследовал качество зеленого сукна ломберных столов и лицеизрел бутылочное дно. Любимого сына Петр Павлович воспитывал не самыми передовыми педагогическими приемами, а методами дворянского воспитания, хотя именно педагогика кормила его многие годы. Так, однажды он вырвал у юного Сергея приличный клочок волос, оставив шрам на его и без того лишенной изящества голове на всю оставшуюся жизнь.

Сергей Петрович Мельгунов родился в Москве на праздник Рождества – 25 декабря 1879 года (ст. ст.). Счастья ему, еще в детстве потерявшему веру историку церкви, светлый праздник не принес, хотя как посмотреть. Родители Сергея Петровича разошлись вскоре после его появления на свет. Мать Надежда Федоровна должна была собственным трудом содержать сына и двух его старших сестер, учившихся в Институте благородных девиц. К отпрыску она относилась без особой любви и называла «мельгуновским отродьем», хотя и ее собственная кровь западно-русской мелкопоместной шляхты немало намутила в отвратном характере сыночка.

Мельгунов в 1904 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, недолгое время

работал педагогом, но вскоре бросил это семейное дело, полностью отдавшись журналистике и исследовательской работе историка, которая, впрочем, не принесла ему заслуженных ученых званий. Более того, в университете сильно опасались, что ученые такого рода могут в него прийти на волне революций и занять ведущее положение. В пору университетской учебы в 1902 году он вступил в брак с Прасковьей Евгеньевной Степановой, с которой и прожил в мире и согласии 54 года. Она оставалась его верным помощником в литературных, а отчасти и политических делах, хотя, наверное, не предполагала, что ей, так любящей декабристское движение, и самой предстоит исполнить роль декабристки – самоотверженной жены политического узника. Произошло это после октября 1917 года.

Сергей Петрович активно занимался поиском собственного места в политической жизни России, осознавая себя далеко не последним представителем русского дворянства.

В 1906 году вступил в партию кадетов, но через год разочаровался в конституционной демократии и перешел в народно-социалистическую партию. Социалистом он себя ощущал вплоть до высылки из Советской Социалистической России и в 1915 году даже предпринял попытку объединить все социалистические силы вокруг газеты «Наша жизнь».

Мельгунову, вероятно, очень плохо жилось в царской России. Он начал трудовую жизнь рядовым репетитором-гимназистом. К 30 годам у него уже скромная квартирка в москов-

ском Гранатном переулке, в двух шагах от Кремля, где одна только библиотека занимала пять комнат. Мельгунов пережил 23 обыска, правда, при своих соратниках большевиках, и 5 арестов. Как не без черного юмора вспоминала его жена, при обысках чекисты обыкновенно выдыхались на третьей комнате библиотеки, после чего хозяева любезно рекомендовали комиссарам просто опечатать оставшееся, «как это уже не раз делали».

И все же Мельгунов нашел один из правильных путей развития общества, основанный на идеях анархизма, пусть и не в такой ярко выраженной форме, как это сделал главный теоретик движения князь П.А. Кропоткин, Мельгуновым восхищавшийся и спасший его от казни большевиками. Сергей Петрович организовал кооперативное товарищество – издательство «Задруга», где авторские гонорары уходили не издателям-капиталистам, а непосредственно самим писателям. Хороший доход приносило Мельгунову издание исторического журнала «Голос минувшего» (1913–1923). Всего вышло 62 номера журнала.

В феврале 1917 года Мельгунов оказался в Петрограде, где Временное правительство официально доверило ему разборку и публикацию политических архивов полиции. В руки Мельгунова попали уникальные документы, хотя архив департамента полиции революционеры постарались сжечь в первую очередь. Очень уж неприглядно выглядели списки сексотов... Первая книга исторических документов, извле-

ченных Мельгуновым из архива, посвящалась большевикам. Понятно, что она стала и последней. После октября 1917 года историка перестали пускать в архивы, но он уже успел накопать много «не того»...

Мельгунов как политический деятель оказался довольно наивным. Летом 1918 года он стал одним из деятельных руководителей «Союза возрождения России», входил в состав других антибольшевистских организаций. Главная его заслуга заключалась не в политической деятельности, а в собирании и публикации уникальных исторических документов текущего момента истории. Книга «Красный террор в России» имела эффект разорвавшейся бомбы, но большинство политиков в Европе остались равнодушны к ее содержанию, равно как и к судьбе русского народа.

В московском Политехническом музее, где потом витийствовали шестидесятники, Мельгунова приговорили к смертной казни. Процесс был публичным и довольно хорошо обставленным с театральной точки зрения. Тогда же расстрелы же без суда и следствия, просто в силу «политической необходимости», происходили в доме Страхового общества «Россия» – наискосок.

В октябре 1922 года ленинским декретом из страны была выслана большая группа зловредной буржуазной интеллигенции. По ходатайству старых революционных деятелей – В.Н. Фигнер и бывшего князя П.А. Кропоткина, поддержанного Академией наук, Мельгунов оказался включен в список

высылаемых, а не расстреливаемых. Ходатайство Кропоткин подписал еще в 1921 году, за несколько дней до смерти, и это оказалась его последняя в жизни подпись. Большевики не без изящества расправились с Мельгуновым-историком. Они запретили ему при высылке брать с собою библиотеку и архивные материалы, но любезно дозволили присоединить к супруге тещу и тестя, которые выехали из Москвы самостоятельно еще 31 мая 1922 года... Кто же знал, что Мельгунов оказался не лыком шит и уже успел переправить за пределы революционной России немалую часть своего домашнего архивохранилища, оставив большевикам наименее скандальную часть бумаг. Надо отдать должное большевикам: они хоть и разделили мельгуновское собрание на несколько частей, но положили его на государственное хранение, а не отправили в печи Лубянки, как это делалось в более поздние годы диктатуры пролетариата.

При всей своей внешней опереточности Мельгунов и в эмиграции оставался серьезным противником большевиков. Он не разделял мнения эмигрантского большинства, честно полагавшего, что «большевизия» падет сама собой. Сергей Петрович активно объединял военизированные организации, не исключал и подготовку военной интервенции, но чекисты его переиграли. Большая часть офицерских белоэмигрантских организаций, которые могли бы выступить реальной силой в борьбе с Советами, легко попались в расставленные чекистами провокационные сети вроде знаменитого

«Треста». Перед войной Мельгунов, разочаровавшись в способностях своих союзников бороться с Советами, основное внимание стал уделять работе над книгами. А надо признаться, что его работоспособность просто поражала. Жена Прасковья Евгеньевна оставалась его неизменной помощницей.

Однако денег на издание книг и журналов становилось все меньше, равно как европейские политики все меньше интересовались русской эмиграцией. В начале 1930-х годов Мельгуновы переехали из Парижа в деревню под Шартром, где главной их кормилицей стала... курица. Несла она, к сожалению, отнюдь не золотые яйца. Мельгуновы разводили кур на продажу и одновременно писали книги, занявшие, по утверждению современных историков, «уникальное место в историографии русской революции».

К чести Сергея Петровича, прожившего основную часть своей эмигрантской жизни во Франции, он твердо отверг заманчивое предложение о сотрудничестве с фашистской Германией в борьбе против СССР. После войны Мельгунов вновь пытается создать антисоветскую организацию. На сей раз ему повезло больше. Началась «холодная» война. Идеи Мельгунова об идеологическом разрушении страны Советов изнутри оказались востребованы всякого рода «голосами», но сам их вдохновитель, разумеется, не дожил до «светлого дня» распада СССР. Он умер от тяжелой формы рака горла 26 мая 1956 года и погребен в Шампиньи-сюр-Манн, неподалеку от Парижа. В 1992 году в посмертной судьбе Мельгу-

нова случилось важное событие. Он получил реабилитацию. Долгожданную, даже слишком, и такую необходимую...

В 1964 году вышли в свет «Воспоминания и дневники» Мельгунова в 2 томах, подготовленные его вдовой Прасковьей Евгеньевной. Она же подготовила основную часть архива мужа для передачи на постоянное хранение в Англию, за что получила порядка двух тысяч фунтов стерлингов – отнюдь не фантастическую сумму. Прасковья Евгеньевна родилась в 1882-м, а умерла в 1974 году, не успев передать на хранение небольшую часть архива супруга и, вероятно, своего собственного. У нее был писательский дар и легкость слога, так что написанные Прасковьей Евгеньевной страницы воспоминаний читаются с большим удовольствием, особенно если не вдумываться в содержание, в рассказ о большевистских ужасах времен Гражданской войны...

Вместе с Прасковьей Евгеньевной Мельгуновой над сбором документов для книги о русском быте XVIII века работали еще двое редакторов. О последнем – Н.П. Сидорове – достоверных сведений найти, к сожалению, пока не удалось. Второй редактор-составитель – профессор Константин Васильевич Сивков, русский историк и педагог, постоянный сотрудник «Задруги», – известен многими публикациями. Они не утратили своей значимости и сегодня, особенно если отринуть неизбежную в определенные времена «классовую» риторику о «разложении и вырождении» дворянства, а потом и капитализма. В 1920-е годы имя Сивкова постоян-

но встречается в трудах и протоколах многих историко-краеведческих организаций – комиссии «Старая Москва», Общества изучения русской усадьбы, общества друзей русской книги. Человек предельно осторожный – время научило, он уже в конце 1920-х годов перешел на публикации исторических источников и работ, основанных на статистических данных. Пенька, пшеница, оброк и иные тонкости крепостного хозяйства позволяли более или менее безопасно заниматься любимой исторической наукой на родине, а не в эмиграции, как это делали Мельгуновы.

Составителей «Русского быта» объединило издательство «Задруга». Оно появилось в русской культуре в 1911 году по инициативе С.П. Мельгунова, а окончательно исчезло по воле большевиков к 1923-му. Издательство располагалось в Москве, на Воздвиженке, Крестовоздвиженский пер., д. 9, а книжный магазин издательства – на Моховой, д. 20. Эти неполные 12 лет истории России вобрали в себя Первую мировую и Гражданскую войны, две революции, красный и белый террор, голод военного коммунизма. За эти же годы «Задруга» выпустила порядка 500 изданий тиражом более четырех миллионов экземпляров... Книг, между прочим, не самых плохих, пользовавшихся устойчивым читательским спросом.

В чем же секрет такого успеха – не только научного или издательского, но и коммерческого? Увы, в анархизме, точнее – в использовании его принципов при организации дела.

В основе издательской фирмы лежало кооперативное товарищество, в котором совладельцами паев стали все – от директора и редактора до рабочего в типографии. Потому-то все работали на совесть, а не с помощью забастовок и взаимных подсиживаний. Главной силой товарищества стали сами авторы книг, делившие с издательством и риски, и доход – во многих случаях весьма и весьма ощутимый.

Большевики боялись кооперативного начала, самостоятельных общественных объединений на местном уровне много больше «классовых врагов», ибо товарищество по взаимопомощи подрывало диктатуру пролетариата изнутри. К тому же далеко не все демократические авторы издательства подходили к большевистскому двору. К примеру, такой великий писатель-демократ, как В.Г. Короленко, без должного восторга принявший Великий октябрь, оказался среди ведущих авторов «Задруги». Опытные большевистские врачи с успехом вылечили его от бронхита, после чего писатель удостоился пышных «красных похорон», но члены товарищества не оставили в покое его литературное наследие, продолжив посмертную публикацию зловредных с точки зрения новой пролетарской культуры сочинений Короленко.

«Задруга» всеми силами пыталась зацепиться за право работать в новой, большевистской действительности. Свидетельством тому стала реклама новых книг 1922 года издания, помещенная на последней странице «Русского быта». Среди авторов – много известных революционных фамилий: –

Аптекман, Бильмонт, Горнфельд, Дейч, Дрентельн, Каррик, Фигнер, Шуберт. Среди главных героев книг – Глеб Успенский, Короленко, петрашевцы. В издательстве продолжалась публикация собрания сочинений В.Г. Короленко, готовился к выходу первый том замечательных мемуаров Веры Николаевны Фигнер «Запечатленный труд». Это означало, что руководство «Задруги» ставило перед собою задачу реализации больших издательских проектов, а не только издание сиюминутных политическихopusов.

Итоги первого, ставшего и последним, десятилетия деятельности издательства подвел его основатель и руководитель С.П. Мельгунов в анонимной рецензии, опубликованной в журнале «Современные записки». Вот начало этого весьма характерного для эпохи документа, где оказались помещены подробности, не пропущенные большевистской цензурой непосредственно в юбилейную книжку, называвшуюся:

«ЗАДРУГА». ДЕСЯТЬ ЛЕТ. 1911–1921. Отчет Чрезвычайного собрания членов Товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921. Москва, 1922.

«Великолепно изданная книга. Прекрасная бумага, стильный шрифт – одним словом, издание, напоминающее старые добрые времена. По этой книге, отпечатанной в 15-й Государственной типографии в Петрограде (бывшей Голике), не скажешь, что типографское дело разваливается в больше-

вистской России. Но это – остатки, доедание прежнего богатства...

И когда читаешь книгу, получаешь такое же впечатление. Отчет о заседании, где присутствуют представители общественных организаций, где отмечаются культурные заслуги первого в России авторского кооператива, пережившего во вторую половину своего существования тяжелое лихолетье и сумевшего вопреки всему сохранить свою организацию. Разве это не событие? И мы уже знаем, что культурнейшее русское издательство, объединившее около себя несколько сот представителей русской интеллигенции, положившее начало новой форме кооперирования авторов, ныне закрыто – закрыто, как известно, именно за устройство юбилейного заседания с представителями «общественных организаций» и за отпечатание отчета об этом заседании... А также за выпуск за границей писем В. Г. Короленко к Луначарскому (печатавшихся в «Современных записках»), которые сам г. Луначарский публично и торжественно обещал опубликовать полностью...

«Отчет» конфискован, хотя на нем и стоит пометка Р. Ц. № 719. Цензура цензурой, а ГПУ – само по себе. Невольно хочется, читая книгу, сказать: рано пташечка запела. «Не так еще ясны перспективы будущего, чтобы спешить подводить итоги прошлого, – заканчивал свою речь на юбилейном собрании основатель и руководитель «Задруги» С. П. Мельгунов, – но в момент нашего десятилетия, совпавшего с нача-

лом возрождения после вынужденного, сравнительно долгого прозябания, нельзя было не поставить некоторых вех...

В новую полосу нашего бытия мы вступили ослабленными, у нас нет тех средств производства, которые с таким трудом, с такой медлительностью и самопожертвованием создавались в течение истекшего десятилетия. От нас болезненно отторгнута одна из органических частей нашего единого целого – типография. Перед нами вновь мощный противник в лице покровительствуемого ныне частного капитала, захватывающего вновь в свои руки не окрепший и не оформившийся еще писательский аппарат...» Нет, перспективы будущего оказались очерченными ясно. Не прошло и года, и насильственно прервана деятельность одного из немногих уцелевших еще в России культурных начинаний, аполитичного по существу. Для «коммунистов» всякая общественная самодеятельность – бельмо на глазу. Существование независимой «Задруги», которую в своей речи представитель Общества любителей российской словесности сравнивал с Типографической компанией Новикова, было своего рода нонсенсом в удушающей атмосфере всепоглощающего бюрократизма и пресмыкательства...»

(Цитируется по: Мельгунов С.П.) [Рец. На кн.:] «Задруга». Десять лет. 1911–1921. Отчет чрезвычайного собрания членов Товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921. М.: Задруга, 1921 / П-ъ. // Современные записки. 1922. Кн. XIII.

Критика и библиография. С. 372–375. Криптоним раскрыт в письме А.И. Гуковского к М.В. Вишняку от 3 декабря 1922 г.)

Итогом юбилейных «торжеств» стала почти поголовная высылка из СССР руководства Совета товарищества, осуществленная в 1922–1923 годах. Демократия действительно восторжествовала. «Десять лет без права переписки» получили немногие оставшиеся...

Жизни и деятельности С.П. Мельгунова посвящена обширная и очень добротная монография Ю.Н. Емельянова «С.П. Мельгунов: в России и эмиграции». М., 1998, к которой следует обратиться заинтересованному читателю.

* * *

О XVIII столетии и его итогах написана обширная историческая библиотека. Настоящая книга – своеобразная документальная летопись века, уместившаяся в один том. В ее основу положен обширный мемуарный свод, оставленный потомству людьми, жившими в XVIII веке. К этому времени жанр русских воспоминаний, если так можно выразиться, основательно встает на ноги, хотя и более ранние столетия не были обделены литературой, где бы рассказывалось о минувшем. Достаточно перечитать сильные, образные страницы «Посланий» царя Ивана Васильевича Грозного, где он вспоминает о своем не особенно радостном детстве. Дей-

ствительно, Грозного царя по праву называют лучшим русским писателем XVI столетия, хотя отчего-то не считают самым умным человеком эпохи. Предпочитают европейских умников.

Книга, которую предстоит прочитать читателю, тоже не блещет именами русских авторов. Демократическое настроение неизменно предполагает в России западную ориентацию. «Так с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья», – весьма точно определил ход такого рода демократических мыслей А.С. Грибоедов в «Горе от ума», хотя главный герой комедии, в чьи уста эти слова вложены, был западником, что называется, до мозга костей.

«На ловлю счастья и чинов» император Петр Великий призвал в Россию несметное число иностранцев, доверив им самые ответственные участки государственной жизни. Далеко не все они оказались людьми компетентными и добросовестными, а многие были просто шпионами иностранных государств. Именно воспоминаниям таких людей, зачастую написанным на материалах собственных агентурных донесений, более всего и доверяли составители книги. Иностранцы описывали не только историю русского быта, но и через нее историю всей России. Писали зачастую пренебрежительно, часто ориентируясь на собственные обычаи и правила жизни, столь активно насаждаемые царем-преобразователем Петром и у нас. Так, особенно диким иностранцам казалась русская баня и пристрастие русских к регулярному мытью.

Ведь сами европейцы крайне редко омывали водой нижнюю половину своих цивилизованных тел, ибо опасались тем самым смыть благодать святого крещения, согласно католическому вероучению, но утверждали, что нестерпимо воняет как раз от русских.

Любопытно, что во второй части книги, которая вышла уже после большевистского переворота, русских авторов оказалось значительно больше. Словно бы большевики, тоже далеко не самым теплым образом относившиеся ко всему русскому, вдруг заставили обрусеть даже сторонников демократического развития России западной ориентации.

К сожалению, работа над многотомным изданием оказалась прервана почти в самой середине. Составители предполагали довести повествование вплоть до конца царствования императора Александра I, то есть до восстания декабристов, а по некоторым сведениям, обратиться к николаевскому времени и эпохе «великой реформы». Увы, планам этим не суждено было сбыться. За пределами советской России все основные исторические источники, разумеется, оставались вполне доступны. Недоступен оказался лишь читатель, а эмигрантские круги волновало совсем иное...

Под конец следует сделать одно небольшое замечание источниковедческого характера. «Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век» – это прежде всего книга для чтения, равно как и своеобразный памятник левой исторической мысли начала 20 столетия. В те времена историки вроде

Мельгунова, которых называли «приват-доценты», вне зависимости от наличия звания, позволяли себе некоторые вольности в работе с историческими документами. Заключались они в произвольном сокращении, а то и вовсе пересказе текста, своеобразном «переводе» его на более понятный современникам язык. Поэтому для научных работ читателю следует обращаться к первоисточнику использованных в книге текстов, ну а для того, чтобы понять всю «сладость воспоминаний», вполне достаточно и настоящего сборника. Ведь «яда» вполне хватает в обычной жизни.

* * *

Толстенный том «Русского быта», положенный в основу настоящего издания, где под один переплет помещены обе разновременные опубликованные части книги, имеет свою любопытную историю, до некоторой степени продолжающей историю книгоиздательства «Задруга». Книги сами, разумеется, вспоминать не умеют – это удел человека, но иногда они умеют рассказать то, о чем их владелец до поры до времени предпочитал молчать.

В первые десятилетия советской власти об анархизме полагалось говорить либо ругательно, либо киноцитатами вроде «анархия – мать порядка», но действовать в духе анархических организаций запретить было сложнее; главное, что требовалось от тайных анархистов, – тщательно замаскиро-

ваться словами. Подходило все – от «пролетарского туризма» до «пролетарского же интернационализма».

Один из главных принципов анархизма – самоуправляемые общественные организации взаимопомощи, созданные на уровне городов или районов без уплаты членских взносов и списочного состава. Именно такую организацию удалось создать в 1921 году при Московском городском доме учителя, располагавшемся тогда еще в Леонтьевском переулке. Во главе самостоятельной организации стоял 22 летний выпускник исторического и географического факультетов Московского университета московский учитель Михаил Михайлович Шмелев (1898–1982). Названия она носила разные – семинар учителей туристов-краеведов, туристическая секция, позднее – клуб учителей туристов-краеведов имени А.Ф. Родина. При городском Доме учителя она существовала более 45 лет, покуда в год 50-летия Октябрьской революции очередная директриса из отставных комсомолок не попросила учителей-туристов выйти вон.

Туристическая секция работала очень активно не только по организации туристических походов. Еженедельно, кроме летних каникул, в Доме учителя собирались своеобразные семинары, куда приглашались интересные люди – от наркома Луначарского до Ираклия Андронникова. Во время войны занятия семинара прекратились. Михаил Михайлович Шмелев ушел добровольцем на фронт, в дивизию Народного ополчения Бауманского района, хотя по состоянию здоро-

вья был негоден вчистую – тяжелейший врожденный порок сердца.

В 1943 году семинары возобновились. Их возглавил старший соратник Шмелева по туристической работе среди школьников Александр Феоктистович Родин, руководитель исторического кружка при Московском городском доме пионеров. Учительский семинар в Москве пользовался большим успехом. Его так и называли – «родиновский». В гостях у московских учителей тогда побывали многие герои войны, артисты ведущих театров, писатели. Главное же – именно здесь зародилась идея празднования 850-летия Москвы. Александр Феоктистович как-то пригласил на выступление бывшего царского генерала и графа Алексея Алексеевича Игнатьева, автора обширной книги воспоминаний «50 лет в строю». Обласканный властью генерал и простой учитель нашли немало общего.

До Великой Отечественной войны слова история Отечества, патриотическое воспитание находились под строжайшим запретом. Суворов, Нахимов, Кутузов именовались не иначе как царские слуги-прихлебатели, а вовсе не великие русские полководцы. Они возвратились в идеологическую жизнь страны только в самые тяжелые дни войны, когда большинство «пролетарских идеологов» геройствовали на ташкентском фронте и «не пускали гада до Ашхабада».

Александр Феоктистович, прошедший всю войну в Москве, по примеру очень чтимого им историка пушкинско-

го времени Михаила Петровича Погодина устраивал у себя дома празднования дня рождения Москвы – обыкновенно в день первого упоминания города в Ипатьевской летописи – не осенью, а в первой половине года. И вот в конце войны на одном из таких собраний за чашкой чая решили попытаться организовать общесоюзное празднование 850-летия столицы. Родин обратился к генералу Игнатьеву. Генерал – к генералиссимусу Сталину, к которому был вхож. По мановению сталинского пера, а точнее – двухцветного красно-синего карандаша, советская государственная машина закрутилась, а она, надо отдать ей должное, крутиться умела. Юбилей стал настоящим праздником, а не рядовым днем рождения любимого города. Позднее Александр Феоктистович не без смеха вспоминал, что его, фактического инициатора празднования, забыли пригласить на торжественное юбилейное собрание...

При туристическом клубе учителя собирали библиотеку градоведческой и туристической литературы. Обширный шкаф с книгами открывался перед каждым собранием. Библиотека работала и пополнялась на общественных началах – дарами. После изгнания Клуба учителей туристов-краеведов имени А.Ф. Родина из городского Дома учителя библиотеку перевезли в краеведческий музей Первомайского района Москвы, созданный М.М. Шмелевым вместе с учениками. Тут библиотека продолжала работать на общественных началах еще десять лет. С ее помощью разрабатывались уни-

кальные туристические маршруты по Подмоскovie. . . Предполагалось даже издать книгу маршрутов, но тогдашний глава краеведческой редакции издательства «Московский рабочий» в очередной раз чего-то испугался. Ведь книга писалась коллективно, на кооперативных началах. Анархия!

После изгнания М.М. Шмелева из музея Первомайского района он предполагал передать свою библиотеку в музей соседнего, Бауманского района Москвы, но не успел его создать. Некоторая часть библиотеки Михаила Михайловича перешла ко мне. И вот теперь настало время переиздания отдельных книг, так долго бывших своеобразными «веков связующими нитями».

А.В. Буторов

От составителей

Интерес к *истории быта* – берем это слово в самом широком смысле – за последнее время, несомненно, возрос. Доказательством этого служат многочисленные и разнообразные работы, посвященные прошлому быту России; признаком того же интереса является и выход в свет большого количества мемуаров и записок, содержащих в себе богатый материал. Однако ознакомление со всеми этими документами не всякому под силу: с одной стороны, в них немало встречается лишнего, не относящегося к истории нашего *быта*; с другой – чтение их часто происходит без необходимой системы и последовательности, и потому не дает в результате истории быта. Наконец, для того, чтобы восстановить по воспоминаниям современников историю прошлого быта, надо, разумеется, к мемуарам, теперь выходящим, присоединить вышедшие раньше; но многие из них или малодоступны, или совсем недоступны широкой публике. Все это вместе взятое и побудило составителей данной книги сделать попытку представить историю нашего быта по запискам и воспоминаниям современников (как русских, так и иностранных), путем выборки из них относящихся к этой теме отрывков.

Составители поставили себе такие хронологические рамки: от начала царствования Петра I до эпохи реформ Александра II. Ими руководили при этом следующие соображе-

ния. С царствования Петра I происходит резкая перемена в истории нашего быта. Заграничные путешествия Петра I и многих его современников были как раз ярким выражением совершавшейся перемены. Этот момент в истории нашего быта совпадает с появлением значительного количества мемуаров не только иностранных, но и русских – что особенно важно; дальнейшую историю нашего быта мы можем еще полнее обрисовать на основании воспоминаний современников.

С другой стороны, в намерения составителей не входило в настоящее время идти далее начала царствования Александра II, так как тут заканчивается настолько цельная эпоха в истории нашего быта, что есть полное основание не переступать этой хронологической грани; за нею начинается еще исторически не завершившаяся и недостаточно полно освещенная полоса в развитии нашего быта, так как и все царствование Александра II еще не вполне стало достоянием истории.

Выпускаемый сейчас в свет I том охватывает эпоху 1698–1761 гг. и распадается на 2 части, рубежом которых является 1725 год. Содержащиеся в нем отрывки из мемуаров, записок и писем разбиты на несколько отделов, в пределах которых они расположены в хронологическом порядке. Составители избегали коротких отрывков, так как хотели избежать калейдоскопичности изложения и, наоборот, стремились дать книгу для чтения. Если в середине взятого отрыв-

ка сделан пропуск, то он отмечен многоточием. У русских авторов соблюдена орфография подлинников.

Мемуары представляют собой очень ценный исторический источник, но в них немало и недостатков, главными из которых являются субъективизм и недостоверность в иных случаях. Отметить все промахи и ошибки авторов мемуаров в изданиях, подобных настоящему, предназначенных для широкой публики и для учащихся старших классов средней школы, не представляется возможным — это значило бы испещрить книгу примечаниями, как то принято в научных изданиях мемуаров. Составители полагали, что тут можно ограничиться самым немногим. В общей массе материала, содержащегося в книге, частные промахи и ошибки отдельных мемуаристов бесследно потонут, и основные контуры истории нашего быта за первые 60 лет XVIII века обрисуются достаточно полно и верно. Не везде она освещается одинаково полно и последовательно, но причина этого в качестве самого материала; составители пересмотрели большое количество всякого рода записок и мемуаров и взяли из них все, что представляло какой-либо интерес и цену.

В общем, составители руководствовались теми же принципами, которые лежали в основе их работы над книгой «Россия и Наполеон» (М. 1912 г. Изд. 1-е и 2-е), поэтому они надеются, что и настоящая книга встретит тот же сочувственный прием в критике и среди читателей, какой выпал на долю книги «Россия и Наполеон».

Москва. Июль 1914 года.

Часть I (1697–1725 гг.)

Русские за границей

Путешествие Петра I за границу

В 1697 году его царское величество решил предпринять большое путешествие и отправился в дорогу с большою свитою, состоявшею, между прочим, из разных князей и вельмож его государства, двух или трех послов, священников и других должностных лиц. Некоторые из них ехали в Германию и в Вену к германскому императору, другие же в Италию и в Рим к папе (но ни один во Францию, ибо французов великий царь недолюбливал); сам же он со многими из вышеупомянутых господ отправился в Голландию и Англию. Но в газетах не смели сообщить о том, что он самолично участвует в этом путешествии; а писалось всегда: «великое Московское посольство», или «некоторые князья из великого посольства его царского величества» были здесь или там.

Итак, он приехал со своими спутниками в Эммерик и нанял там шкипера, который должен был отвезти его и некоторых из его свиты на маленьком аке, т. е. очень невзрачной лодке, в Зандам. Но шкипер согласился везти его только до

Амстердама, так как не знал, найдет ли он дорогу в Зандам; но решили расспросить о дороге, приехав в Амстердам. Так они и поплыли на этой лодке вниз по Рейну и к вечеру приехали в Амстердам. Отсюда собрались плыть дальше в Зандам; но, прибыв к Ост-Занскому Офертому, решили тут же ночевать. В воскресенье, 18 августа, поплыли далее и приехали на том же плохом судне в шесть часов утра в Форзан или Керкрак, где как раз в это время некий Геррит Кист, который одно время был кузнецом в Московии, сидел в челноке и ловил угрей. Русские увидели и узнали его и закричали: «Кузнец, кузнец, поди сюда!» Кист удивился, увидев странное и жалкое судно; но каково было его изумление, когда он вошел в него и заметил там между другими его царское величество, который его принял очень дружелюбно. После некоторых переговоров они условились, что будут жить в доме кузнеца; так они и сделали. Этот дом находится на Кримпенбурхе и представляет из себя смиренную хижину; впрочем, и сам Кримпенбурх – одна из самых неважных частей Зандама. И здесь то поселился один из самых великих государей христианского мира. Поэтому жители Кримпенбурха и говаривали после: нашу местность нужно переименовать в Кейзерсграхт, или Форстенбурх (т. е. императорская или княжеская улица).

Его царское величество строго-настрого запретил Герриту Кисту, кузнецу, сообщать кому-либо, кто он именно...

Его царское величество купил на Высоком Зедейке, в доме вдовы Якова Омеса, разные плотничьи инструменты, которые отправил в свою скромную царскую квартиру на Кримпенбурхе. Затем он, сбросив верхнее платье, стал работать до пота. Он хотел изготовить себе ванну и сделать разные другие вещи. Его свита говорила, что они, вероятно, останутся здесь всю зиму до марта месяца, чтобы усовершенствоваться в кораблестроении и других ремеслах, надеясь одновременно познакомиться со страной, а в особенности с этой деревней и с ее промышленностью.

Его царское величество осматривал с большим вниманием корабельные верфи и лесопильные мельницы и, между прочим, отправился на мельницу под названием De Кок (Повар), чтобы видеть, как изготавливается белая бумага. Мельницу остановили, и он спросил, зачем они, когда мельница уже почти остановилась, снова немного подняли тормоз. Получив объяснение, он ответил: «это хорошо». Он осматривал все очень подробно и спрашивал об устройстве отдельных частей. На этой мельнице один из мастеров, а именно черпальщик, был занят черпанием из чана в форму той массы, из которой изготавливается белая бумага; этой работой великий князь особенно заинтересовался и просил разрешить ему сделать опыт. На это охотно согласились, и, за-

черпнув, он подарил рабочему рейхсталер, несмотря на то, что у нас он нечасто бывал щедрым, а, напротив, показывал себя очень экономным.

Обедать он отправился к жене Яна Ренсена, которая жила на Зейддейке. Ян Ренсен служит тоже в Московии корабельным плотником, и царь очень любит его.

Он обедал и у вдовы вышеупомянутого Класа Виллемсона Меса. Она хотела поблагодарить его за щедрый подарок, посланный ей после смерти мужа, но не посмела сделать этого; так как он не желал, чтобы было известно, что он высочайшая особа. Поэтому, следуя данному ей доброму совету, она сказала ему, что не в состоянии выразить ту благодарность, которую питает к его царскому величеству за милость, оказанную ей, когда она овдовела, и просила его, чтобы он, когда увидит его царское величество, передал ему от ее имени искреннюю и сердечную признательность. На это он ответил, что она может быть вполне уверена в том, что это будет доложено его царскому величеству.

Он навестил и Марию Гитманс, бедную женщину, сын которой тоже служит в Московии плотником. В этот домик как раз зашла и Антье, жена вышеупомянутого Арейана Метье. Они выпили вместе по рюмке еневра¹. Мария Гитманс, показывая на Антье, сказала: «ее муж тоже плотничает в Московии». Он спросил: «Кто он такой»? Она объяснила ему это, и он тогда ответил: «Я хорошо знаю его, потому что он строил

---

¹ Водка, настоенная на ягодах можжевельника.

корабль недалеко от моего корабля». Она продолжала: «Разве ты тоже умеешь плотничать»? Он ответил: «Да, я тоже плотник».

Ему весьма понравилась зандамская одежда; поэтому он отправил одного из своей свиты вместе с портным Ремметом в Амстердам с поручением купить материй, чтобы сшить платье его величеству по зандамскому образцу. Также и другие здешние портные шили платье ему и его свите.

Между тем обо всем этом много толковали. Одни говорили: «это непременно великий царь, ведь это видно и из того, что он постоянно трясет головой и размахивает правой рукой». Другие говорили: «не может быть, чтобы такой великий государь жил здесь в деревне, притом еще на такой плохой улице, как Кримпенбурх, и в таком невзрачном домике», и приводили еще столько доводов, что их и перечислить нельзя. Чтобы разъяснить эти сомнения, жители неоднократно обращались к вышеупомянутому кузнецу Герриту Кисту и к А. Каувенгоофе и упрашивали их сообщить им сущую правду. Обращались и к вышеупомянутым женщинам, у которых он обедал; но все они хранили тайну, в особенности же Геррит Кист, так что однажды его жена Нель Макс сказала: «Геррит, я терпеть не могу, когда ты говоришь неправду».

Он сам иногда порядком дурачился и, между прочим, устроил следующую шутку: 19 или 20 августа он купил себе слив на Горне, положил их в свою шляпу, взял ее под мышку

и начал их есть на улице, проходя через Дамм² к Зейддейку; а за ним следовала толпа мальчишек. Заметив нескольких детей, которые ему понравились, он сказал: «Человечки, хотите слив?» и дал им несколько штук. Тогда подошли другие и сказали: «Господин, дай нам тоже что-нибудь»; но он этого не хотел исполнить. Его, видимо, забавляло, что он часть детей обрадовал, других же волновал. Но некоторые мальчуганы рассердились так сильно, что начали бросать в него гнилыми яблоками и грушами, травой и разным мусором; более того, один мальчик на Зейддейке попал ему в спину даже камнем, который причинил ему боль, и это уж вывело его из терпения. У шлюза на Горне, наконец, комок земли с травой попал ему прямо в голову, а тогда он сильно рассердился и сказал: «Разве здесь нет бургомистров, которые смотрели бы за порядком?»

21 августа он был в кофейне De drie Zvanen (Трех Лебедей). Некий шкипер, который часто плавал в Московию, стоял тут же на Дамме среди многих знатных особ и говорил: «Я его отлично знаю, и если только увижу, то уж скажу вашим благородиям, он ли это или нет». Затем шкипер вошел в кофейню, увидел царя, который как раз пил чай, вышел на улицу и сказал: «Я знаю его отлично и ручаюсь вам жизнью, что это сам царь».

Теперь скрытность других уже не помогала. На многих это произвело сильное впечатление, и они старались вести себя

---

² Плотины на реке Зан.

осторожнее в присутствии и вблизи великого князя...

* * *

В тот же вечер магистрат поставил двух стражников к квартире великого государя, которые там сторожили двенадцать ночей. Вечером того же дня он был в доме Корнелиса Михильса Калфа, который просил его остаться у него ужинать; но так как туда собралось много почетных лиц, чтобы видеть великого князя, то он отказался от приглашения, и тогда его угостили лишь вареньем и хорошими напитками. Тут присутствовали бургомистр Амвейн Виллемсон Иор и член управы Клас А. Блум, которые просили переводчика передать своему повелителю, что бургомистры покорнейше просят его оказать им честь и откусать с ними рыбы позандамски. Но приглашение не было принято, и переводчик, между прочим, ответил им: «У нас здесь нет повелителя, наш повелитель еще приедет», подразумевая под этим, так по крайней мере казалось, великое посольство...

* * *

Мейндерт Арентсон Блум пригласил великого князя поселиться со свитой в его доме с садом в Ост-Зандаме, так как там было много удобных помещений, в саду же много фрук-

товых деревьев. На это ему ответили: «Нет, мы не знатные господа, а простые люди; поэтому будем довольствоваться нашей теперешней квартирой».

Маляр Виллем Гарменсон, после долгого торга, продал великому князю лично (так как последний настолько владел немецким языком) свою гребную лодку за 40 гульденов с придачею кружки пива. Затем они отправились в герберг, который находился близ Офертома в доме Пита Гафера, и выпили там это пиво.

Он купил также у Дирка Стофффиельсона буер-яхту с принадлежностями за 425 гульденов наличными деньгами. Приняв эту яхту, он усердно работал над ней и собственными руками приделал бугшприт, вышедший так удачно, что те, которые имели случай его видеть, удивлялись тому, что такой знатный господин так усердно трудился в поте лица и так искусно работал.

Молва обо всем этом распространилась скоро по всему нашему отечеству. На Амстердамской бирже все интересовались этим, и люди ставили большие деньги и бились об заклад, действительно ли это великий царь или же один из его послов.

Чтобы узнать несомненную правду, г. Гаутман (именитый купец, торговавший с Москвией, живший даже сам там много лет и принимавший и угощавший неоднократно обедом великого князя) обратился с просьбой к Якову Исбрантсу, т. е. амстердамскому маклеру, который много лет пла-

вал шкипером в Московию и часто угощал великого князя на своем корабле, а потому хорошо его знал – не желает ли он немедленно, т. е. утром 22 августа, поехать в Зандам, чтобы взглянуть на ту особу, о которой теперь так много говорят. С этой целью упомянутый маклер приехал сюда, где увидел действительно его царское величество, и так как он хорошо узнал царя, то они оба посмотрели друг на друга, но Яков Исбрантс не посмел с ним заговорить. Однако же это его так взволновало, что он, когда уходил, был бледен, как мертвец, ноги его тряслись, окружавшим же его он сказал с большим удивлением: «Это, конечно, великий князь, я не ошибся; но какими судьбами он здесь?» Затем он уехал опять в Амстердам, чтобы сообщить об этом г. Гаутману. Последний отправился в Зандам в тот же день после обеда с судном, которое отходит в два часа.

Он явился к великому князю, чтобы засвидетельствовать ему великое и глубокое почтение, и сказал ему, между прочим, следующее: «Ваше Миропомазанное Величество, Вы ли это?» Он ответил: «Как видите». Они долго беседовали. Итак все сомнения, его ли царское величество это или нет, теперь сразу были рассеяны.

Господин Де Ионг из Амстердама, который тоже хорошо знал царя, приехал также навестить его. С глубоким благоговением пал он перед ним на колени, называя его не иначе как «Ваше Миропомазанное Величество». Он имел с ним продолжительный разговор, однако не смел смотреть ему пря-

мо в лицо, хорошо зная, что это рассердило бы царя; ведь он терпеть не мог, чтобы смотрели ему прямо в глаза. Был такой пример:

Корнелис Альдертсон Блок (он же Корнелис Мартсен) посмотрел как-то на улице весьма дерзко царю прямо в глаза; за это великий князь ударил его рукою по лицу, так что К. Мартсен почувствовал сильную боль и пристыженный убежал, между тем как над ним смеялись: «Браво, Марсье, ты пожалован в рыцари».

Вест-Зандамские бургомистры вторично почтительнейше просили его величество через его переводчика удостоить их чести отобедать у них и получили от самого великого князя ответ: «Право, не на этой неделе, а на следующей».

22 августа, в 4 часа утра, он, сопровождаемый немногими из свиты, отправился кататься на своей буер-яхте по заливу Эй и сам правил рулем. За ним последовали многие зандамские буер-яхты. Остановившись на полдороге между Амстердамом и Гарлемом, он показал свое проворство и ловкость, перепрыгивая и перебегая красиво и легко через несколько буеров, чтобы скорее попасть на берег. Никто из присутствовавших не мог ему подражать, и, чтобы народ его не видел, он только вечером возвратился назад.

24-го Корнелис Михильс Калф велел перетаскать свой корабль через Офертом, чтобы доставить великому князю удовольствие и показать ему, как это делается; а чтобы собравшийся народ ему не мешал, то, по распоряжению бургомист-

ров, были сделаны деревянные барьеры... И у каждого из них было поставлено от трех до четырех сторожей, чтобы останавливать толпу и чтобы великий князь имел простор и мог все видеть подробно и удобно. Однако все эти старания, которые приложил магистрат, достигли своей цели лишь на первых порах. Из Амстердама и окрестных деревень и местечек собралось столько народу, что все здесь кишело людьми, и удержать их за перилами оказалось невозможным.

Еще за три дня на обоих Кримпенбурхских мостах было поставлено, на каждом, по три человека для стражи и, кроме того, стояли еще в продолжении одного дня три сторожа в конце мостика, чтобы запретить людям проход; затем два служителя бальи из округа Блоа и два служителя дроссарта³ из Кенемерланда охраняли днем квартиру его царского величества и дежурили на Геренвеге в течение пяти дней.

Бургомистры... почтительнейше просили через переводчика его величество пожаловать на перетаскивание корабля. Бургомистрам Иору и Салму он подал руку и ответил: «Сейчас, сейчас»; но затем, заглянув в дверную щель и в окно, он увидел собравшуюся толпу народа. Тогда бургомистры обещали через переводчика провести его царское величество на его буер-яхте обходной дорогой к одному дому, где из сеней все свободно было видно и где толпа его не могла стеснять. Он на это согласился и, кажется, даже уже оделся, чтобы отправиться с ними, но, посмотрев снова на большую толпу на-

---

³ Члена уездной управы.

рода, он повторял: «Слишком много народу, слишком много народу!» и вдруг захлопнул дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни с чем и могли отправиться гулять, что и сделали без дальнейших разговоров.

Корабль перетасили через Офертом, и тысячи людей приезжали напрасно.

В воскресенье, 25-го, в час пополудни, он уехал на своей буер-яхте со многими из своей свиты в Амстердам. Дул сильный ветер, он лично поднял паруса на фок-мачте и подбежал опять к рулю, так как сам был рулевым: грозила большая опасность, так как буер мог опрокинуться вследствие того, что шверцы, у которых оборвался канат, болтались; а они оставили их так висеть, и все опытные в этом деле, которые встретились с ними дорогою и замечали это, были того мнения, что эти люди находились в большой опасности.

Но они все-таки прибыли благополучно к старому городскому гербергу в Амстердаме. Здесь встретило царя множество людей, которые бесцеремонно смотрели ему прямо в лицо. За это они им и его свитою были «пожалованы в рыцари», как вышеупомянутый Корнелис Мартсен; у многих пошла кровь из рта и носа. Он остановился в старом Геренложементе, где поместилось его великое посольство и еще другие князья его государства.

29-го, в 9 часов вечера, в честь его был сожжен очень дорогой и замечательный фейерверк на Биннец-Амстелле у Колвенирс-Дулена перед мостом, который называется

Halvemaansbrug (мост Полумесяца); говорят, что этот фейерверк стоил 10 000 гульденов. Собралось столько народу, что произошла страшная давка. На втором мосту, считая от Дулена, т. е. на мосту у Ресланда, разорвали цепи, на которых держались перила; многие упали в Бурхвал, и некоторые утонули. Через день или два я сам видел, что верхний край крепких железных перил моста Полумесяца от напора народа был выгнут почти на фут.

Он желал еще в тот же вечер уехать в Зандам, несмотря на то, что его отговаривали от этого князь и вельможи его государства, а также бургомистры Амстердама, указывавшие ему на опасность поездки; но ничего не помогло: он торопился в Зандам. По приказанию бургомистров принесли из ратуши ключи, отперли и спустили мост у старого городского герберга, и в 11 часов вечера он выехал с маленькой свитой на своей буер-яхте, а в час по полуночи прибыл благополучно в Зандам.

30-го числа он возвратился со своей свитой и со своим багажом в Амстердам.

Своему хозяину Герриту Кисту он крайне скупно заплатил за квартиру; женщине же, которая занимала заднюю комнату и уступила ее великому князю (а сама пошла жить к своему отцу), он дал за это всего семь гульденов.

Приехав на своем буере в Амстердам, он причалил к Ост-Индской верфи и выгрузил тут же свой багаж.

Директора Ост-Индской компании пригласили его цар-

ское величество работать и спокойно жить на их верфи. На этой закрытой площади он был защищен от любопытства народа. Здесь ему представился случай участвовать при сооружении судна в сто футов длиной. Он принялся за дело и выразил желание, чтобы его здесь называли Pieter timmerman van Zaandam (Питер, плотник зандамский).

Один правдивый амстердамский торговец рассказывал мне, что какой-то купец в Амстердаме пожелал видеть великого князя за работой и поэтому обратился к корабельному мастеру верфи с просьбой, чтобы тот допустил его и дал ему возможность удовлетворить его любопытство. Его просьба была исполнена, но чтобы он наверное узнал великого князя, мастер предупредил его, что тот, кому он скажет: «Питер, плотник зандамский, сделай это или то», и есть великий князь. Любопытный купец посетил верфь и видел, как несколько рабочих несли тяжелое бревно; вдруг мастер крикнул: «Питер, плотник зандамский, что же ты не пособишь нести этим людям». Он сейчас же послушался, подбежал к ним, подставил плечо под дерево и понес его вместе с другими плотниками на назначенное место, к великому удивлению зрителя.

Раз провинился его священник; говорят, что он выпил лишнее. В наказание за это великий князь приказал ему отправиться на канатный двор Ост-Индской компании и крутить там канаты. Вследствие этого он стер на руках кожу, что, конечно, причиняло сильную боль такому человеку, ру-

ки которого имели нежную кожу и не привыкли к подобной работе. Он показал своему государю свои жалкие руки, горько жаловался на боль и покорнейше просил освободить его от этой причиняющей страдания работы. На это последовал ответ: «Не беда, ступай на работу»; итак, он должен был работать еще несколько дней, несмотря на то, что руки были повреждены.

Один князь и один вельможа его государства говорили с царем, по его мнению, слишком смело; они, как передают, советовали ему и уговаривали его побольше думать о своей славе и репутации. Но он за это так сильно рассердился, что велел обоих заковать в кандалы и посадить их под арест в старый Геренложемент в Амстердаме, решив отрубить им головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что в нашем государстве этого сделать нельзя. Они приводили разные доводы, стараясь отговорить его от исполнения этого жестокого намерения, и убеждали его освободить вышеупомянутых князя и вельможу. Однако они достигли лишь того, что он повелел одному отправиться в Ост-Индию, а другому, в Суринам, и, говорят, это в самом деле было исполнено. Кажется, у этого государя очень суровый нрав; впрочем, и лицо у него весьма суровое...

* * *

2 сентября уведомили его царское величество о том, что

на следующий день в Зандаме будут перетаскивать через Офертом судно, и пригласили его присутствовать. Между тем распространяли слух, что его не будет; это делали нарочно для того, чтобы не знали о предстоящем его приезде, надеясь, что тогда наплыв народа из окрестных деревень и местечек не будет так велик, как 24 августа.

3 сентября приехал великий князь на своей буер-яхте сюда, в Зандам, и причалил у Зейддейка к верфи тяжущихся наследников покойного Класа Гарбрандса. Он пошел к Офертому и осмотрел внимательно большой блок и канаты, при помощи которых перетаскивают корабли через Офертом. Отсюда он отправился к высокому Зедейку к Гендрику фан де Зану, и, далее, ко вдове Якова Карнелиссона Омеса, купил здесь разные плотничные инструменты, положил их в тачку и повез ее. Когда он подошел к Офертому, рабочие подняли тачку с плотничьими инструментами и перенесли ее через канаты на плотину. Затем русские повезли ее дальше до буер-яхты, на которую ее и поставили.

В то время когда великий князь находился в доме вдовы Я. К. Омеса, туда собралось довольно много народа, чтобы его видеть. Он все время ходил по лавке и осматривал разные инструменты; но любопытные не смели подходить к нему слишком близко. Ян же Г. Кроненбурх и Ян Якобсон Номен, которые, кажется, подошли к нему слишком близко и смотрели на него не стесняясь, должны были оба оставить дом.

Между тем на дороге, по которой шел царь, собралось много народа. Его царское величество — человек высокого роста, статный, крепкого телосложения, подвижной, ловкий; лицо у него круглое, со строгим выражением, брови темные, волосы короткие, кудрявые и темноватые. На нем был надет саржевый инноцент, т. е. кафтан, красная рубашка и войлочная шляпа. Он шел быстро, размахивая руками, и в каждой из них держал по новому топорищу. Таким видели его тысячи людей, а также моя жена и дочь.

Возвратясь к Офертому, он вторично с особенным вниманием осмотрел, как производится перетаскивание судов, а отсюда пошел к своей буер-яхте, намочил паруса, стал опять у руля и, по обыкновению, выехал рулевым в Амстердам, не дождавшись окончания перевозки корабля через Офертом.

5 сентября приехали сюда, в Вест-Зандам, три лица, принадлежавшие к великому посольству; двое из прибывших были определены к Герриту Янсону Стюрману для изучения мачтового дела, а третий к Паувельсу Тейвиссону для изучения ботового дела... В начале они все и особенно первые два жаловались на сильную боль в руках, а это, собственно, было понятно, так как руки их были мягки, как шелк, и не привыкли к такой работе; но со временем и это уладилось.

Геррит Янсон Стюрман рассказал нам, что однажды великий князь навестил на верфи этих учеников мачтового дела, сам взял плотничий топор и работал им не хуже любого мачтового мастера.

11-го числа его царское величество имел в Утрехте свидание с Вильгельмом, королем Английским. Там, в отдельной комнате, они вели длинную беседу, продолжавшуюся, говорят, два или два с половиною часа; затем они очень любезно расстались.

Несколько дней спустя его царское величество отправился на о. Тессель на яхте Ост-Индской компании, в сопровождении нескольких знатных господ. Там он посадил на корабль одного князя из Московии, которого посылал в Ост-Индию, и одного знатного господина, отправляемого в Суринам. Это были именно те два вельможи, которые сидели так долго в кандалах в старом Геренложементе, и о которых я говорил выше.

28-го числа, когда царь был на о. Тесселе и в Гельдере, прибыли с Божьей помощью благополучно корабли из Гренландии с хорошим уловом; большая часть из них вошла во Фли, а остальные в Тессель. Дул сильный северо-западный ветер, и говорят, что с кораблями легко могло бы случиться несчастье, если бы они пришли тремя часами позже, так как тогда прилив как раз уж кончился бы.

Его царское величество наблюдал с удивлением и удовольствием, как корабли в такую бурю входили в Тессель...

Раз великий князь с немногими из своей свиты катался по Эй для своего удовольствия в ботике, купленном у маляра Виллема Гарменсона за 40 гульденов и кружку пива. Он плыл мимо верфи и магазина Адмиралтейства по на-

правлению к юго-востоку от Амстердама, а за ним следовало много других ботигов и лодок, чтобы видеть его; но многие из них слишком близко подплывали к нему, и это вызвало его неудовольствие. Он начал скорее грести, направляясь к высокому Зедейку, перетащил там ботик и поехал по Биннен-Амстелю в город. Любопытным же пришлось воротиться.

Был и такой случай: великий князь катался на парусах на своей буер-яхте по Керкраку, а поблизости находилось одно из наших амстердамских пассажирских судов, где на палубе собралось много людей, горевших желанием видеть царя... Судно это подошло слишком близко к царю, а он, желая отделаться от назойливости любопытных, схватил две пустые бутылки и бросил их одна за другой на пассажирское судно прямо в толпу, но, к счастью, никого не задел...

* * *

Его царское величество и всю его свиту содержали на общий счет государства, и говорят, что бургомистр Николай Витсен в Амстердаме получил для этой цели из казначейства наличными деньгами сто пятьдесят тысяч гульденов. Если столько израсходовано в одном Амстердаме, то, в общем, недешево обошелся этот гость нашей стране.

5 октября состоялась аудиенция его великого посольства у господ генеральных штатов.

Великий князь желал незаметно присутствовать на аудиенции и с этой целью поехал в Гагу. Но как странно он вел себя дорогой и в самой Гаге, видно из нижеследующего:

Фан дер Гейде-младший, мастер пожарных насосов в Амстердаме, рассказывал в нашей деревенской ратуше в Вест-Зандаме в собрании магистрата, что сам г. Витсен сообщил ему следующее, уверяя, что все это действительно случилось:

Великий князь, бургомистр Николай Витсен и еще два лица сели в Амстердаме в коляску, чтобы ехать в Гагу; но царь захотел посадить с собой еще своего карлика. Упомянутые выше лица возразили ему, что тогда будет слишком тесно; но он ответил: «В таком случае пусть он сядет ко мне на колени», так что пришлось взять карлика. Царь выразил желание ехать не прямо через город, а кругом и, замечая по дороге много мельниц, справлялся о назначении каждой из них. Подъезжая к мельнице для шлифовки камней, он спросил: «Что это за мельница?» Получив объяснение, он сказал: «Это я хочу видеть». Коляску остановили, но оказалось, что мельница не работала и никого там не было. Послали за мастером; но его не могли найти так скоро и потому поехали дальше. На Гарлемской дороге он увидел маленькую водяную мельницу, спросил: «Что это такое?» и, выслушав объяснение, сказал: «Я хочу ее осмотреть». Его спутники уверяли, что он промочит себе там ноги, так как место было болотисто; но, несмотря на это, пришлось остановиться. Он

отправился к мельнице; а на дороге оказалось столько воды, что он, пройдя несколько шагов, должен был вернуться с мокрыми ногами. Подъезжая к Гарлему, он сказал: «Я не хочу ехать через город». Бургомистр Витсен объяснил ему, что другой дороги нет. На шее у него был платок бургомистра Витсена, а лицо он закрыл своим плащом, и таким образом они ехали через город.

Вскоре после того они проезжали мимо большого, прекрасно устроенного имения. Он спросил: «Кому оно принадлежит?» Витсен ответил, что хозяин этой усадьбы амстердамский купец. Он сказал: «Я хочу ее осмотреть». Тогда спросили разрешения и хозяин согласился на это; но царь потребовал, чтобы все люди удалились из дома. Витсен ответил: «Я постараюсь это устроить, но приказать им не могу, так как хозяин и хозяйка сами находятся в доме». Из уважения к бургомистру хозяева действительно удалились на время. Царь осмотрел постройки и усадьбу, и затем поехали дальше.

При спуске на паром коляска получила толчок, вследствие чего он спросил: «Это что такое?» Когда ему объяснили, что это переправа, он сказал: «Это я хочу посмотреть»... Наступил уже темный вечер, так что пришлось зажечь фонарь, и он измерял длину, ширину и вышины парома, пока свеча не погасла от ветра. Тогда они продолжали путь.

В 11 часов вечера приехали в Гагу, остановились в квартире Амстердамских господ, и на его вопрос: «где я буду

спать?» ввели его в красивую комнату с удобной кроватью, но он поднялся по лестнице, вошел в комнату, где стояла постель служанки, и объявил: «тут я хочу спать». Несколько минут спустя он сказал: «хочу отправиться к моему великому посольству», и хотя его уговаривали остаться, ничто не помогло; несмотря на то, что было уже 12 часов ночи, запрягли коляску и отвезли его в Дулен, где помещалось его великое посольство. Тут он опять спросил: «где я буду спать?» Ему показали хорошую кровать, но он пробежал по всем комнатам, наткнулся наконец на грязного простого слугу, который спал на медвежьей шкуре, толкнул его и крикнул: «вставай, вставай!» Русский проснулся, но не успел еще опомниться от сна, как великий князь уже крикнул снова: «вставай, вставай, тут я хочу спать». Простой москвитянин понял, наконец, кто, собственно, его так бесцеремонно будит, и поторопился оставить свою медвежью шкуру.

На этой медвежьей шкуре расположился его царское величество, чтобы провести ночь. На другой день он пожелал видеть аудиенцию, назначенную его великому посольству гг. генеральными штатами, и с этой целью присутствовал инкогнито в соседней комнате. Сидеть в ней ему, однако, скоро надоело, и он сказал бургомистру Витсену, что прием слишком долго продолжается и что он желает уйти, но не хочет, чтобы гг. члены генеральных штатов его видели, вследствие чего и требует, чтобы они отвернулись. Витсен ответил, что он этим господам предписывать ничего не может, так как они

представители страны, но что он передаст им, в чем дело. Так он и сделал и возвратился с ответом, что господа штаты согласны встать, повертываться же к царю спиной не намерены. В этот день на его величестве был большой парик; им он закрыл себе лицо и быстро выбежал из комнаты...

Вышеупомянутые ученики ботового и мачтового дела и некоторые другие москвитяне наняли у Дирка Классона Гейнеса, недалеко от Финкепада, «каменную комнату», т. е. заднее помещение дома...

Там они поселились все вместе и держали своего собственного грязного повара и музыканта; последний, говорят, хорошо играл. Ученики мачтового дела потом уехали и занимались на мачтовой верфи адмиралтейства в Амстердаме, а князь – мастер ботового дела ездил раз в Утрехт, чтобы навестить своего брата, который учился там пиротехнике.

В ноябре месяце, во время Зандамского кermisa⁴, его царское величество приезжал сюда, чтобы навестить своих людей. Он прошел по рядам лавочек, выстроенных по случаю кermisa, и остановился у своих подданных в упомянутой каменной комнате, где его отлично угощали. Через два или три дня он уехал в Амстердам на своей буер-яхте, которая стояла здесь у Остеркаттегата. До отъезда он еще раз ходил на одну из лесопильных мельниц и осматривал ее подробно, причем он своими собственными руками спустил тормоз и таким образом остановил мельницу; затем он опять поднял его

---

⁴ Народное гулянье в день храмового праздника.

и пустил мельницу в ход.

Если б мы захотели описывать все выдумки и странные затеи, которыми он тешился здесь, в Амстердаме, и вообще в нашем отечестве, то пришлось бы исписать еще много бумаги.

* * *

19 Января (1698 г.) великий князь уехал в Англию со свитой, состоявшей из девяти или десяти лиц, и после очень счастливого плавания благополучно достиг Лондона, где в верхней палате инкогнито видел короля Вильгельма, сидящего на престоле в королевском одеянии с короной на голове; сюда явились и лорды в своих роскошных костюмах с коронками на головах.

Затем он осматривал нижнюю палату и вообще все достопримечательности и редкости. Он имел и особое свидание с королем Вильгельмом; говорят, что эту зиму он будет путешествовать по Англии...

Москвитяне, которые еще оставались здесь, пользовались зимним временем и усердно учились кататься на коньках по льду, причем они неоднократно падали и сильно ушибались. А так как они по неосторожности иногда катались и по тонкому льду, то некоторые из них проваливались в воду по шею. Между тем они отлично переносили холод и потому не торопились надевать сухое платье, а продолжали катать-

ся еще некоторое время в мокром; затем уже они переодевались в сухое платье и снова отправлялись кататься. Этим они занимались так ревностно, что делали успехи, и некоторые из них могли отлично бегать на коньках.

Во время пребывания его величества в Англии епископ Салисбурыйский, по поручению архиепископа Кентерберийского, и какой-то другой богослов, по поручению архиепископа Йоркского, разъясняли ему учение протестантской церкви.

Там же он ознакомился подробно с техникой кораблестроения и нанял несколько инженеров и огнестрельных мастеров для войны с Турцией и несколько плотников-кораблестроителей. Ему подарили роскошную транспорт-яхту, оцененную в двести тысяч фунтов, и, кроме того, фрегат, чтобы конвоировать яхту в Архангельск. В мае месяце оба корабля вышли в море с полным экипажем.

Он осмотрел и Портсмут, где для него эскадра военных судов произвела примерную битву. Еще до своей поездки в Портсмут он известил коменданта Джибсона, что не хочет, чтобы ему устраивали торжественную встречу, так как он приедет поздно вечером. Его желание было исполнено, и он тотчас по прибытии на свою квартиру лег спать. Зато при отъезде его провожали пальбой из 54 громадных пушек...

7 мая его царское величество вернулся благополучно из Англии в Голландию на двух английских военных кораблях и королевских яхтах.

15 мая вечером ушло из Амстердама в Тессель восемь барж, и на каждой было около 80 человек, которые нанялись на службу к великому князю и теперь должны были отправиться в Московию на голландских кораблях.

21-го числа приехал на своей буер-яхте из Амстердама сюда, в Зандам, его царское величество с князем Сибирским (Сибирь – это важное княжество в Московии) и с маленькой свитой...

Ему очень хотелось видеть, как мелют табак; поэтому Клас Арентсон и его сын Арент Блум повезли великого князя и князя Сибирского на своем ботике по Зану к дому Дирка Янсона, откуда они самой близкой дорогой, через поле, отправились на мельницу; здесь они оба очень внимательно смотрели, как мололи стебельки табаку.

Потом великий князь пожелал видеть, как готовится нюхательный табак, и они пошли на мельницу Класа Симонсона Гейнтье. Царь не захотел идти по Геренвегу, где собралось много народа, желавшего его видеть; поэтому они шли полем, пока это было возможно, затем сели в ботик и доехали на нем до мельницы. Там великий князь и князь Сибирский смотрели с большим удовольствием, как мололи дорогой нюхательный табак.

Чтобы избежать взоров любопытных, они поехали отсюда на ботике прямо до западного конца Земанспада и прибыли туда, когда уже стемнело. Великий князь и князь Сибирский вошли в дом Корнелиса Михильса Калфа и оставались здесь

до 11 часов вечера, свита же не знала, где они находятся, но на ночь они вернулись в квартиру свиты.

22 мая царь хотел уехать, но это ему не удалось сразу. Заметив, что на улице собралась большая толпа, желавшая его видеть, он не выходил из квартиры, а любопытные стояли на улице с утра до самого обеда. Наконец, они устали, им надоело так долго напрасно ждать, и каждый пошел своей дорогой. Заметив это, он пошел по опустевшей улице вместе с князем Сибирским⁵ и некоторыми из своих людей к буер-яхте и уехал в Амстердам. Вскоре после этого он отправился в Германию, Вену и т. д.

Генеральные штаты Соединенных Нидерландов уже в мае предписали губернаторам и комендантам тех городов и крепостей, чрез которые должно было проезжать великое московское посольство, встречать его пушечной пальбой. Кроме того, было приказано гофмейстеру Гесселю угощать посольство на счет нашей страны и освободить его от путевых издержек вплоть до нашей границы. Это так и было исполнено.

Таким образом, наконец, наше государство и Вест-Зандам лишились великого, высокого, знаменитого, замечательного и дорогого гостя.

Теперь расскажу о его путешествии после его отъезда за пределами нашего государства; об этом сообщали сюда в письмах следующее:

26 июня состоялся въезд посольства в Вену.

---

⁵ Неизвестно, кто был упоминаемый здесь князь Сибирский.

29 июня один из московских князей был в Вене у императора. Его императорское величество встретил его в аванзале с непокрытой головой и потом надел шляпу; но князь отказался последовать его примеру и обе высокие особы остались с непокрытыми головами. При этом присутствовали только обер-камергер Валенштейн, обер-гофмейстер Фон-Дитрихштейн и первый посол Лефорт.

Далее из Вены писали следующее:

5 июля. Московский князь 3-го числа посетил театр и оперу. Несмотря на свое инкогнито, он был со двором на оленьей охоте и ему было оказано много любезностей. Он сам выразил императору, что это был самый счастливый день в его жизни, когда его величество встретил его, как своего любимого брата...

На содержание московского посольства было ассигновано три тысячи гульденов в неделю.

12-го числа. Он был на музыке в Гумпендорфе, где играло более ста музыкантов на разных инструментах; бал продолжался почти всю ночь.

Московские князья получили в подарок несколько математических инструментов. Вчера они осматривали императорскую казну, кунсткамеру, палату со сбруей и разным красивым оружием и библиотеку. Сегодня восемь лиц из посольства уехали в Венецию, а может быть, и в Рим.

26 июля. Московский князь слушал 23-го числа в доме иезуитов большую мессу, которую служил кардинал Коло-

ниц, и там же обедал. Затем он ездил водою в Пресбург, где осматривал венгерскую корону и другие достопримечательности, и 24-го возвратился. 25-го он посетил императорскую школу верховой езды, после обеда простился со двором и сегодня собирается ехать в Венецию и затем в Рим. Некоторые лица из его свиты выехали туда уже вчера.

2 августа вышеупомянутый князь, который учился ботовому делу, и другие москвитяне угощали здесь в Вест-Зандаме на своей квартире прекрасными кушаньями и напитками некоторых знатных московских торговцев и барышень из Амстердама.

8-го числа они получили здесь достоверное известие, что в Москве вспыхнул большой бунт.

30 июля писали из Вены следующее:

28-го числа московских послов повели с большой торжественностью из их квартиры в Гумпендорфе на аудиенцию к императору, причем впереди 50 венских граждан несли подарки послов, состоявшие из драгоценных соболей, горностаев, золотых и серебряных материй и других драгоценностей.

Предполагали, что Московский князь в день отправки последнего письма поедет в Италию, но он на этот раз отложил путешествие и уехал со свитой в Москву на тридцати почтовых лошадях.

11 августа в Гаге получены были письма из Вены с известием, что самый знатный Московский князь с двумя мос-

КОВСКИМИ ПОСЛАМИ И СО СВИТОЮ В СОСТАВЕ ТРИДЦАТИ ЛИЦ УЕХАЛ
В МОСКОВИЮ, ЧТОБЫ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ (sic) БЫТЬ В МОСКВЕ.

Я. Номен

Современники Петра I за границей

Первые впечатления

В Амстердаме видел в доме собраны золотые и серебряные и всякие руды; и как родятся алмазы, изумруд и кораллики⁶, и всякие каменья; золото течет из земли от великого жару, и всякие морские вещи видел.

Младенца видел женского пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лицо поперек полторы четверти; привезена была на ярмонку. (Видел тут же) слона (великого), который играл миноветы, трубил по-турецки, по-черкасски, стрелял из мушкатанта и многие делал забавы; делал симпатию (имеет симпатию) с собакою (которая непрестанно с ним пребывает, зело дивно) преудивительно.

(На ярмонке) видел метальника, который через трех человек перескоча, на лету обернется головою вниз и станет на ногах.

Видел у доктора анатомию: кости, жилы, мозг человеческой, тела младенческие и как зачнется во чреве и родится. Видел сердце человеческое, легкое, почки, и как в почках родится камень; и вся внутренняя рознета разно, и жила та, на которой печень живет, горло и кишки. Жила та, на которой

---

⁶ У русских авторов сохраняем орфографию подлинников.

легкое живет, подобно как тряпица старая; жилы те, которые в мозгу живут, как нитки.

Видел 50 телес младенческих в спиртах от многих лет нетленны...

Видел кожу человеческую, выделана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человека живет: вся в жилах, косточки маленькие, будто молоточки, которые в ушах живут.

Животные от многих лет собраны и нетленны в спиртах; мартышки, звери, (индейские) маленькие и змеи предивные, лягушки, рыбы (многие) дивные и птицы разные (зело) дивные ж и коркодилы (крокодилы), змей с ногами, голова долга, змей о двух головах... Жуки предивные, бабочки – великое собрание. Видел мужика безрукого, который в карты играл, из пищали стрелял и набивал, сам у себя бороду брил; поставит на столе на самой край стул и под стул поставит рюмку; станет на стул ногами, и нагняся достанет зубами рюмку, с шпагами танцевал, в стену бросал (шпагою), зело прытко, ногою (писал)...

Змею видел полчетверти сажени (один кусок 282 фунта).

Трубку зрительную видел, чрез которую смотрят на месяц и на звезды; на месяц смотрели и видел (можно видеть), что есть земля и горы; а мерою та труба десять (с десять) сажень.

Видел стекло, чрез которое можно растопить серебро и железо; тем же стеклом топили камень самой крепкой, и с того камня выжгли подобно (будто) хрусталь, и тем хрусталем резали стекло как алмазом. (Тем же стеклом) жгли де-

рево под водою, воды было пальца на четыре, вода закипела и дерево зажгли; а ефимок растопится, как «Отче наш» проговорить. Топили свинец и сожгли в пепел, из того пепла вытопили камень, подобно янтарию.

Видел голову, сделанную деревянную, человеческую, говорит; заводят, как часы; а что будешь говорить, то и она голова говорит.

Видел две лошади деревянные на колесе; садятся на них и скоро ездят куда угодно, по улицам; снимают кольца копьем...

Неизвестный

В Италии

Марта 14 числа переехали 16 миль, ехали все горами, приехали в город Лорета, в котором городе имеется дом Пресвятые Богородицы, пренесенный Ангелы; глаголют тот дом быти тот, который был в Назарете, в котором Пресвятей Богородице от Архангела Гавриила было Благовещение, и в котором воспитала Сына своего Господа нашего Иисуса Христа, в котором же дому пренесется и образ Пресвятые Богородицы с предвечным Младенцем, вырезан из дерева, и сосуды чашечка и блюдечки, из которых сама Пресвятая Богородица и Сын и Бог Ее питался, глиняные, в том дому окно, где было Благовещение, и камень или труба, где Пресвятая Богородица огонь клала и варила ястие: тот дом палата каменная,

стоит без фундамента чetyреста лет, а стоит ныне в великой церкви, и круг того дому снаружи обделано вновь палатою из мрамора, и по всему вырезаны притчи Евангельские и иные весьма богато и искусно, и скарб в той церкви Ее Пресвятыя Богородицы для дому Ее присланный от всех Монархов и от великих знатнейших Особ от каменьев алмазов, яхонтов, изумрудов и иных, также от золота, серебра и жемчугу, превеликий и неисчетный; чаю будет на несколько миллионов.

Тут живет Епископ и начальствует.

В оном городе Лорете медлили сутки для осмотра всего...

И марта 21 числа, наняв в три коляски шесть лошадей почтовых, въехали в Рим, и стали наняв двор у Патра, в котором доме многие палаты и весьма хорошо убраны.

Тогож дня, уведав Папа о приезде Боярском, прислал к Боярину Дворецкого своего...

Марта 23 числа приезжал к Боярину той же Папезской Дворецкой с тремя Папезскими каретами, и Боярин с братьями ездил в церковь Святых Апостолов Петра и Павла, где их мощи почивают: и тут над мощми их слушал обедню, по совершении же той обедни казали Боярину *Коние*, которым на Кресте прободен бысть Господь и Бог наш; по том казали *Образ Спасителей*, который сам Господь Бог вобразил на полотне или плате, которой плат поднесла ему утертиса святая мученица *Вероника* под час вольного Его страдания и несения Креста на Голгофу; напоследи же казали великую часть

древа Животворящего Креста, и вся сия у них зело в великом благоговении и почитании...

Марта 24 дня ездили в тех же каретах в церковь Святого Иоанна Предтечи...

Вышед из той церкви по правую сторону у другой церкви Спасовой приделана лесница мраморовая, которая привезена из *Иерусалима*, по которой Господь Бог веден от Каифы к Пилату на осуждение смерти, осужден и биен от Пилата, по той же леснице веден на распятие; Кровь его капала на той леснице, которая видна и до сего дня, над которою кровию ныне учинены кресты, и ходят непрестанно на ту лесницу ползающе на коленях; на всякой же ступеньке говорят: *Отче наш*.

Возшедши на ту лесницу в церкви образ Господа нашего Иисуса Христа, которой писан Лукою Евангелистом с самые Ипостаси Христовы во время бытия Его на земли; и стоял той образ в доме Пресвятые Богородицы, которой образ некогда уражен камнем, от чего истече кровь, которая и доднесь видна на пресвятом лице Его...

Марта 28 дня ездили в *Гошпиталь* Святого Духа, в котором больных всякими болезнями немоществующих принимают, и лечат и кормят со всяким прилежанием, и всякому особливые учинены постели мягкие и всякая нужда больным, и за всяким ходит особый человек: а бывает их в том Гошпитале по пяти, и по десяти, и по пятнатцати тысяч, и прошлого лета сказывали, что было их пятнатцать тысяч;

а для лекарств тут же в Гошпитале учинены великие аптеки, и притом Докторы и Лекари многие, и в том Гошпитале посреди учинен Престол, на котором всякой день служат обедню, а сей Гошпиталь учинен превеликой, и в нем разные многие палаты.

Подле сего же Гошпиталя Святого Духа учинен другой двор и палаты превеликие, в котором собрано бедных сирот, которые не имеют отцов и матерей и домов, женска полу девок больших и малых больше двух тысяч, которых кормят и одевают тут же из Гошпиталя: и всякой особая постеля с белыми простынями, и всякая им потреба без нужды, и все работают, иные прядут, иные ткут сукна, а маленькие вяжут чулки; и тут все то продают на тот же Гошпиталь, а которые девки невесты похотят за муж, и таким на приданое дают по сту скудов, а скуд считается близко рубля, а роздает то приданое в церкви сам Папа, или велит Кардиналам в день Благовещения Пресвятые Богородицы: что особно для того празднуют, и нынешнего года при бытности Боярской в Риме роздано того приданого четверем стам девкам, и бывает у них в тот день *процессиа*, а те девки все идут в той *процессии*...

Мая 23 числа в Неаполе будучи присылал Арцыбискуп Нунцияс Папезской к Боярину объявить, чтобы того дня Боярин изволил ехать в Девичей монастырь, в котором, сказал, содержится *кровь* Святого Великого Угодника Господня *Ианурия*, которая *кровь* у тех законниц в сокровищнице хранится с великим почитанием, и временем износят ее из со-

кровищницы с процессиею в церковь, и ставят на престол, и служат литургии. Многожды же во время святые литургии оная святая кровь пречудесно показуется кипением, аки бы жива. И прислал оный Арцыбискуп к Боярину свою карету о шести возниках, с Маршалком дому своего с Патром, которой ездил с Боярином. Как пришел Боярин в церковь, то мало подождав принесли оную святую *кровь* с великим благоговением и процессиею в церковь, и поставили на престол. Сия святая *кровь* хранится в малом хрустальном сосуде; в половину того сосуда видением, акибы запеклась, и тот сосудец повернули вверх дном; *кровь* же не переливается, а видится, акибы засохла, и стоит вверху того сосуда; а как почали служить литургию, и как прочитали Евангелие, то оная овятая *кровь* помалу начала опускаться вниз, и опустилась до самого дна, не распутившись во весь тот сосудец, но отстояща от всех боковых сторон почала кипеть и перебираться вверх и вниз зело пречудесно и удивительно, что видя все люди находившиеся в той церкви в великом были радовании, и по обыкновению Латинскому били в свои перси, премногие же плакали. По отправлении литургии оную святую *кровь* кипящую все целовали с великим страхом и слезами, благодаря Бога за такое превелие чрез оную святую *кровь* показанное чудодействование. По том отнесли опять с процессиею в сокровищницу. Сказывали тут в церкви Боярину Иереи, служители той церкви, что де оная святая *кровь* износится из сокровищницы не многожды в год и показывает де она тое чудо

через кипение, иногда на первой литургии, иногда на второй и на третьей, иногда и на многих литургиях не показуется чудо, и то де приписуем мы тогда великому нашему согрешению, и молящися чиним де процессию, и потом де видению того чудеси сподобляемся. Боярин и с ним бывшие самовидцы оного преславного чудеси...

Июня 5-го числа... Звали Боярина Езуиты смотреть их Академию, в которой учат письменным всяким наукам и иным многим художествам. И Боярин ездил, а как приехали и вошли в Академию, тогож часа Ректор оной Академии просил Боярина сесть на особливоуготованном для Боярина месте... По том вышел из другой палаты одного Знатного человека сын, и став на высоком месте, поздравлял Боярина, говорил приветствие по Латыни.

По том казали, как бивалися прежние богатыри копьями и саблями, убрав шесть человек в латы: по том многие Знатных отцов дети билися на рапирах, и выходили со знамены строем, и строй оказывали пехотной, и знамя уклоняли: по том поставя из дерева сделанную лошадь, всякие волтижирования оказывали, садяся на ту лошадь и через перескакивая, а наконец разные танцы и миноветы танцовали. Всему этому учат особливые мастера мирские люди, а не Езуиты; на дворе же ездили на лошадях, и показывали *манеж* учение конное. После чего Боярин привитався со многими знатными Господами, с Езуитами и с учителями, поехал до квартиры.

В бытность Боярскую в *Неаполе* тутошние жители два дни были в великом страхе и ужасе от горы *Везувт*, горящей непрестанно; потому что в те два дни превеликой из оной горы исходил огонь, был гром, треск и шум, и кидало вкруг горы мили на три и на четыре большие огненные каменья, многие же с той горы протекли огненные лавы, при чем живущих около сей горы пожгло, побило и переранило каменьями многих людей, также и всякие пожгло заводы, от чего в город *Неапол* сбежалось народу с тритцать тысяч, которых сего города начальствующие Господин Вицерой и Кардинал три дни кормили своим коштом, давали им на день по *тарину*, а на Русские деньги по две гривны: раненых же приказали лечить: и в те два дни в городе *Неаполе* такой сыпало от оной горы пепел, что никак по городу ходить было не возможно, и насыпало того пепла во всем городе по всем улицам больше нежель на четверть аршина, от чего сделалась престрашная духота, от которые слабые люди почали было болеть, что видя Вицерой и Кардинал, причли быти оному особливому на них гневу Божию, во удовлетворение чего и умилоствление Бога в третий день во втором часу утра чинили они процессию, ходили со Кресты изо всех церквей и монастырей по городу все духовные люди и сами Вицерой и Кардинал, и весь народ с женами и с детьми; а многие из мирских людей и из знатных Особ, показуя свои труды, носили в той процессии каменья великие и песок, как можно с нуждою человеку несть, убравшись в особое белое пла-

тье, и покрыв лице, чтоб не узнали: после чего тоя ночи в полночь великой был дождь, и весь оный пепел в городе по улицам прибило; в горе же огонь так утих, что только дыму мало видно было, и от того все люди отраду восприяли.

Неизвестный из посольства Шереметева

Путевые заметки

Августа в 17-й день (1697 г. Падуя)... В Падве есть академия дохтурская великая, в которой бывает студентов по 1000 человек и больше. Приезжают в ту академию для дохтурских наук из разных государств честные люди, и бывает та академия заперта Июня с первых чисел по Сентябрь, и в те месяцы в той академии науки и действия никакого не бывает. Обыкность там о студентах имеют такую: который студент науку свою дохтурскую скончит, того студента инспектор его повинен взять за руку и водить его в Падве по всем улицам, а перед ними идут многие люди и кричат «виват»; а от того студента, скончившего дохтурскую науку, устроен на то один человек, который перед ним идет и мечет деньги народу, которые тому студенту кричат «виват». Те деньги народ подбирает и кричит «виват, виват», а все то чинится казною того студента, который скончил свою науку, и потом того студента инспектор его со Езувитами в костеле коронует. В то время в том костеле, где студента коронуют, народ быть не повинен, только одни Езувиты или иные законники

и инспектор его, то есть мастер. И короновав его, дадут ему из той академии от мастера его лист о мастерстве его и по обыкновению как надлежит из той академии его с честью отпустят. Есть в Падве академия, где учат лошадей; там сделаны палаты великие, и при тех палатах сделана конюшня, а перед палатами и перед конюшнею есть площадь, на которой лошадей учат...

Бывши я в Падве, желал видеть изрядной и дивной вещи и на всем свете славмой, еже есть источник горячих вод, которые воды имеют в себе естественную горячность. И наняв коляску, поехал я из Падвы к тем источникам горячих вод после обеда и доехал до них одним часом, ибо те горячие воды расстоянием от Падвы 5 миль Итальянских; а как я до тех горячих вод от Падвы ехал, и по обе стороны той дороги видел многие дома и сады и огороды изрядные дивным мастерством построены. Когда ж я до тех горячих вод доехал, и видя их зело удивлялся, ибо истекают многие источники на горе не гораздо высокой и проходят те источники разно, один другому в противное, а на верху средине той горы есть совокуплено той горячей воды якобы малое озерко, и из того озера один источник отведен по желобам немного одаль, и построена на том источнике мельница каменная, которая мелет всякий хлеб. Смотри разума тех обитателей Итальянских: и ту воду, которую на всем свете за диво ставят, даром не потеряли, ища себе во всем прибыли. Другие источники тех горячих вод приведены с той помянутой горы в дом,

который дом построен близко тех источников горячих вод, и в том доме тех горячих вод источники проведены в палату, в которой палате устроены два творила немалые каменные, и в одно из тех творил та горячая вода пущена, а в другое творило пущена студеная вода, и из творила в творило сделаны трубы, где те воды, горячая и студеная, проходить могут и мешаться, чтоб в тех творилах могли мыться люди; ибо той горячей воды, не растворя холодною водою, невозможно человеку ни единого в нее перста обмочить за великою естественною горячестью. И, так растворя ту горячую воду холодною водою, входят в те творила люди и моются для здоровья, понеже дохтуры Падовские говорят, что та горячая от естества своего вода к здравию человеческому зело употребительна. А как той горячей воды не растворить холодною водою, и в ней по нужде может малое мясо свариться, а яйцо куричье без нужды сварится в ней скоро. И видятся те источники горячих вод, якобы в них вода всегда кипела, и бывают в тех горячих водах всегда густые пары подобны дыму, а имеют те пары дух к обонянию человеческому тяжелый подобно тому, как пахнет нефть горелая или скипидар. А из которой горы те источники горячих вод идут, та гора каменная и со всех сторон скатиста, имеет на себе продушины тесные как можно руке человеческой пройти, и из тех продушин проходит пар тому ж подобен, как и от вышеписанных горячих вод и с таким же бесполезным обонянием, а горячести из тех продушин большой не бывает...

Марта в 12-й день (1698 г. Милан)... Приехал я до костела, в котором видел картины дивные Итальянских писем, которые покупаны высокою ценою: за одну картину давано по 20000 филипов, и того будет по 10000 червонных золотых. Около тех картин поделаны вместо рам доски резные шириною без мала по аршину, на которых вырезаны древних лет гистории старого закона. Те доски преудивительной работы. Также в том костеле по стенам писем живописных изрядного мастерства много, и все строение того костела изрядное и удивлению достойно. При том костеле живут белые попы, которые в том костеле служат по вся дни обедни. Из того костела приехал и в остарию, в которой стоял я для того, что припал час обеда. Того ж числа по обеде поехал я смотреть библиотеки великой, и видел в той библиотеке множество книг всяких языков. В той же библиотеке стоят два глобуса великие. В той же библиотеке в особой палате видел кунштов, т. е. образцов изрядного мастерства резного из алебастру и из разных материй и лепленных из гипсу. Тут же видел вырезано из белого мрамора подобие человеческое и воинские всякие вещи на одной доске такую пречудную работою, которой никто подробну описать не может; и иных вещей преузорочных резных работ в той библиотеке множество, о которых ныне писать для умедления оставляю. В той же библиотеке в особой палате видел множество преузорочных писем живописных по медным и по деревянным доскам и по полотнам и по разным материям, о котором мастер-

стве язык человеческий и сказать подробно не может; только для высоты цены тех писем напишу здесь одну вещь. Есть между теми вышепомянутыми письмами четыре вещи, написаны на медных досках мерою в высоту и в ширину по аршину. На одной написан элемент или стихия земли, на другой вода, на третьей воздух, на четвертой огонь, и за четыре вещи курфюрст Саксонский, который и ныне есть король Польский, давал по 16000 червонных золотых за каждую вещь и ныне рад ту цену дать, только Медиоланцы из той библиотеки никакой вещи ни за что не продают. И иных таких писанных вещей, которые стоят высокой цены, в той библиотеке множество. Построена та библиотека изрядным мастерством.

В той библиотеке между палатами сделана фонтана изрядная, из которой истекают изрядные чистые воды. В той же библиотеке видел книгу, зело велику математицких наук, писанную древних лет, а не печатную, и сказывают, что той книге есть 300 лет, как она писана; а цену ей сказывают великую, что де им давал за нее Англичанский король 8000 червонных золотых. В той библиотеке видел книгу писанную Греческим языком по холстине, зело ветха, и подписано, что той книге, как она писана, есть 1635 лет; и иных древних лет книг, писанных рукою св. Амвросия Медиоланского, много. И еще есть в Медиолане две библиотеки, только те малы при сей вышеписанной библиотеке...

Мая в 1-й день (Венеция)... В Венеции бывают оперы и

комедии предивные, которых в совершенство описать никто не может, и нигде на всем свете таких предивных оперов и комедий нет и не бывает. В бытность мою в Венеции были оперы в пяти местах. Те палаты, в которых те оперы бывают, великие, округлые, и называют их Италияне театрум. В тех палатах поделаны чуланы многие в пять рядов вверх, и бывает в одном театруме чуланов 200, а в ином 300 и больше, а все чуланы поделаны изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, так что невозможно познать, чтоб не сницарская была работа, дивная, и вызолочено все в том театруме, пол сделан мало наось, чтоб одним из-за других было видно которые в те стулы для смотрения оперов садятся; и за те стулы и скамьи дают платы, а кто хочет сидеть в особом чулане, тот повинен дать за чулан большую плату, а за пропуск в тот театрум особая со всех равная плата, и с единой стороны к тому театруму бывает приделана великая зело длинная палата, в которой чинится опера. В той палате бывают временные перспективы дивные, и людей бывает в одной опере в наряде мужеска и женска полу человек по 100 и по 150 и больше. Наряды на них бывают изрядные, золотые и серебряные, и каменья бывает в тех уборах много: хрусталей и варенников, а на иных бывают и алмазы и зерна бурмицкие; и играют на тех операх во образ древних гисторий; кто которую гисторию излюбил, так в своем театруме и сделает; и музыка в тех операх бывает предивная с разными инструментами человек

по 50 и больше, которые в тех операх играют, и ставится одна опера на год по 30 000 и по 40 000 дукатов. Комедии в Венеции бывают хуже оперов, однакоже зело забавны, и начинаются те оперы в Венеции Ноября с первых чисел и мало поиграв престают, потом паки начинают во время карнавала Ноября в последних числах или Декабря в первых и бывают до самого Великого поста во вся вечера, кроме Воскресенья и Пятницы. А начинают в тех операх играть в первом часу ночи, а кончают в 5-м и 6-м часу ночи, а в день никогда не играют. И приходит в те оперы множество людей в машкарах, по-славянски в харях, чтоб никто никого не познавал, кто в тех операх бывает, для того что многие ходят с женами, также и приезжие иноземцы ходят с девицами; и для того надевают мущины и женщины машкары и платье странное, чтоб друг друга не познавали...

Июля в 1-й день (Неаполь)... Приехал прежде к одному городу от Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцелию. В том городе, оставя коляску, сел в одну филягу и поехал морем до того места, где есть в море натуральная горячесть и, приехав к одной невеликой горе, из той филяги вышел... Под той горою поделаны были древле от Нерона-мучителя каменные бани, в которых были воды холодные и горячие от природы, т. е. от существа, а не огнем гретые; и ныне те бани целы, и воды в них холодные и горячие от природы есть всегда.

Потом поехал я до того места, где во древние лета был го-

род, который называется Каштель-ди-Бая. Тот город был области Нерона-мучителя и велик был гораздо, около его было мерою 10 миль Ит., стоял при самом море, строение в нем было знатно изрядное каменное, которого и ныне остатки есть. Тот город весь развалился, и место то, где был, поросло лесом, однако же и ныне видны суть остатки того города: палаты и божницы поганских богов, которые были в том городе построены при проклятом помянутом мучителе – Нероне. Под тем городом порт, т. е. пристанище морским судам, лучшее во всей Гишпани и Неаполитани. В том месте видел я божницу поганого бога Каприссория, сделанную из камня в земле. В той божнице свод каменный, на том своде множество напечатано поганских богов; а на левкасе, или на извести, что напечатано, того за множеством лет совершенно познать не можно, однако ж предивной и удивления достойной работы было то дело, и какою живностью изображены те поганских богов образы, о том подлинно описать не могу. Божница была во имя поганского бога Венса, сделана из плинфов, каких ныне нигде не обретається. Те плинфы деланы шириною и длиною в аршин, а толщиною в один вершок аршина и зело крепки. Была та божница велика зело, круглая, знатно и ныне внутри той божницы во многих местах по стенам письма стенные изрядные. Божница ж знатно была длинная и вся развалилась, только ныне стоит ее малая часть, а сделана была та божница во имя поганской богини Дианы. Также и иные знатно божницы богов

поганских Меркуриева и иных, которым приносил жертвы проклятый Нерон и за ту свою к ним любовь купно с ними есть в пекле. Вместо того вышепомянутого Неронова города Каштель-ди-Бая, который в конец разрушился, сделан ныне вновь город близко того старого места тем же именем Каштель-ди-Бая, при самом же море...

Близко того места при самом море знатно дом мучителя проклятого цесаря Нерона, малый остаток палат; знатно, что были изрядного мастерства. В иных местах стенное знатно письмо, писано мусиею, а иное строение каменное ж того дому знатно в море. Недалеко от того дому знать было строение каменное, а ныне уже в море, которое было построено одним Римским сенатором Артанциушем, где тот Артанциуш призывал к берегу из моря рыбу и имел себе на потребу, которую хотел.

Близко того места гроб матери мучителя-Нерона в горе низко в земле. Над тем гробом есть древнее строение каменное...

Августа в 23-й день (Флоренция)... Из того дому пришел к церкви св. архидиакона Лаврентия, которая зачата делать тому 94 года, и непрестанно от того времени как начата и по сие время делают, а еще недокончена, и чают, что еще больше десяти лет той церкви докончить невозможно. Та церковь немалая, осмероугольная, во все стены ровная, с лица сделана из серого камня предивным мастерством; по многим местам кругом окон вставлен алебастр изрядною гладкою ра-

ботою, а изнутри та церковь вся сделана из розных мраморов такую преславною работою, какой работы на всем свете лучше не обретається. И в те мраморы врезываны каменя цветные Индейские и Персидские и раковины и корали и янтари к тунпасы и хрустали такую преудивительною работою, которого мастерства подлинно описать невозможно. Около тех розных мраморов кладены дорожки медные литые, золоченые запарным золотом. Те цветные мраморы так в лице поставлены власно как изрядные зеркала, и в тех камнях та церковь и бывающие в ней люди видимы власно как в зеркалах. В ту церковь изготовлен алтарь Римский, сделан весь из чистого золота преудивительным мастерством, которому цена один миллион червонных золотых.

В той же церкви у стен поделаны из розных же мраморов гробы, в которых лежат будут тела древних великих Флоренских князей; между теми сделан гроб, где лежат по смерти телу нынешнего грандуки, т. е. великого князя Флоренского. Те гробы поделаны такой преузорочною работою, что уму человеческому непостижимо, и над теми гробами поставлены персоны вышеименованных Флоренских великих князей, также и нынешнего великого князя Флоренского над его гробом стоит, а высечены все те персоны их из алебастру изрядным мастерством и с такими фигурами, которых подробну описать невозможно...

П. Толстой

В Германии, Голландии и Англии

15 Октября 1705 г. Город Лейпцих короля польского, в котором обретается славная академия в Германии или, больше молвить, между лютеры. И бывает тысяч по три и больше студентов. Тут же великая марканция и бывает в год 3 феры⁷ или три ярманки, на которых купечество славное живет со всей части Европы, как на приклад: из Франции, из Голландии, из Италии и из других, и также бывает съезд великой кавалерам, а ярманки бывают по две недели и которая ныне была – останется вовсе, началась сентября 24 дня. И на той ярманке, бывают великие вексели во всю Европу и в Индию, кому нужда брать куды денег, и другая ей подобная во всей Германии – Франкфурт, которой город близ реки Рейна⁸ вольный город, и также в том 3 разы в год бывает. А кроме тех бытностей – город на кавалеров жить – скушной гораздо, только ж знатных персон учатся гораздо много, не так чтоб княжеских или других подобных, только персон шляхетных; также и книг немецкого языка иных нет таких нигде, как тут и так по-немецки нигде не говорят хорошо и справедливо, как в Лейпцихе. А людьми наполнен купеческими чужеземцами, а проходу к нему водяного нет, только все купечество отправляется провозом – фурманы, также

---

⁷ La foire.

⁸ Франкфурт-на-Майне?

карет и лошадей добрых достать можно. А провозу заплатил я от Карзбата 21 гульден – три лошади и простой фурман, 4 персоны, а что будет отсель дано провозу, об том явим.

А кто торговых здесь богатых, которые имеют купечество большое и вексель – кориспондует с московскими, у которых и Паткуль и тех объявить особливо в книжке, где всех имена записывают, знакомых в бытность мою в том городе. В ту пору, мою бытность, сидели королевичи польские Якун да Константин за арестом в замке, которой сделан твердо, не нового фабрикою – старою.

Камендан в том городе один полковник, солдат три кампании или четыре. Купечество все имеет привозу сухим путем, и тамошняя бытность приезжим дорога; персоне, на день, обычайному кавалеру, – станция и есть по полтине, а ординарии людем – гривна. Палаты хорошие и улицы, а бытности моей было тут 3 дня и седьмогонадесять октября поехал на почте в путь свой в Голландию...

25-го октября 1705 г... Город Амстрадам стоит при море в низких местах и во всех улицах пропущены каналы, так велики, что можно корабли вводить, и по сторонам тех каналов так улицы широки, что в две кареты, в иных местах можно ехать. И по улицам посажены деревья, однако ж много писать не буду, что многих бытность здесь была и ныне есть и сами видели, а и напреть сами будут видеть, а не видимые, от тех слышать; для того нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть, то пишу не всем посполит пер-

сонам – тем, которым принадлежит как принцам, графам и каждому шляхетству...

И все те улицы в Амстрадаме первые и дома палаты на них лучшие, и по обе стороны великие деревья при канале на берегу и между теми фонари, только-ж тот обычай всегда имеют во всем Амстрадаме по всем улицам фонари, и на всякую ночь повинен каждый, против своего дому, ту лампаду жечь. А на тех помянутых улицах plezier или гулянье людям великое.

Ратуша, которая сделана вся из камня белого, и великая и в ней резные штуки так, которая в свете первая считается, а что в ней буду некоторое описать.

Купечество великое, которое в Европе больше всех считается и народ все живет торговый и вельми богатый – так, сподеваюся, что нигде, и, сказывают, будто в день приходит в ратушу денег по 50 тысяч ефимков и так бы было в год 18 миллионов и 250 тысяч, и то ординарии, а ежели положить с накладами – для войны могут взять втрое столько или вчетверо – на надобность десятой деньги.

Суд их отправляется четырьмя бургомистры; один из них сидит четверть года президентом, а в другой год бургомистрым другие садятся, только из старых один остается.

Видел один дом в Амстрадаме, птиц индейских – вельми хороши и одного попугая маленького, так что с скворца, весь зелен, а кругом глаз желтое, а хвост вельми долог.

Шпиталь гораздо хорош, где приют старых баб, которых

обычайно держат – 900 человек...

Всего 5 часы, которы играют, а из тех все лучшее на кирхе, что возле ратуши, называется – Старая церковь.

Народ все под публичными кирхами – реформиры и потом лютори – имеют церкви. Третьи квакери⁹ в домах, а церкви не имеют. Жидовской есть – публичной; католическая – Инкогнито; многие костелы, только есть разные – иные, которые папу не признают Мивистен¹⁰ – в домах, а не церковь. Церковь персическая – инкогнито – в доме; церковь армянская – в доме-ж.

А министры есть, деференты – первое и другие антенисты, также иных много. Дом, где воров держат, которые, сидя в тюрьмах, трут сандал. Дом – два – богадельни, женской и мужской.

Дом, где безумных людей держат. Дом прядильной, где прядут, сидя, бабы, которые виновны в таких винах.

Ратуша гораздо хороша, сподеваюся, что нигде такой нет, и внутри вся нарезана алебастром, и из алебаstra штуки вырезаны, и одна штука вырезана, которая огорожена балясами, где вырезана скрипка и другие фигуры, работы гораздо хорошей.

Двор Остинской, другой Вестинской, где корабли делают. Гораздо заводы хороши и велики и артиллерию имеют великую, только не прибрано в одном месте, так как и в других

---

⁹ Квакеры.

¹⁰ Минимы?

краях.

Бирж или такая сделана площадь, где сходятся торговые люди каждого дня своей повинности для торговых дел, договариваться и тут имеют всегда свод или соединение торгов и так всегда бывает людей много, что на всей той площади люди ходят с великою теснотою. Не сподеваюся – нигде такого сходбища торгового – как тут, и бывает часа три или два, а сходятся зимним временем о двенадцати часов, а расходятся, полтора часа по-полудню или два часа, а летним временем сходятся десять, а расходятся 12 часов, то есть в самые полдни...

Декабря 19-го купил в Амстрадаме два глоба, даны 33 гульдена, да книг разных 20 гульденов, коробочка беленькая книжкою, насечена серебром гвоздиками, дана 8 гульденов.

Часы двои карманные, одни будто серебряные, а другие будто золотые, даны 7 гульденов. Коробочку белую костяную купил, которая оватом¹¹, а верх точеный, дана 7 гульденов.

1706—1 генваря... Платки на остинском дворе куплена целая штука, дана 18 гульденов, будет 15 платков.

Книга «Атлас малой», дан 6 гульденов, французским языком.

Книга «Опера¹² Быдлова», о анатомии, дана 5 гульденов.

12 генваря... В Англии все под именем реформиты релии, только же есть в них между реформиты, разделение и друг

---

¹¹ Овалом.

¹² Сочинение.

другу противные. Первые называются бышкуплике, другие конформисты, а в провинции Шкотлантской и тем обоим противны, которые называются нон конформисты, другие называются дезентиершт; и так есть в Англии четыре релии (религии) розных.

В Англии все отправляется с парламенту, только их парламент есть двумя способами, и консилии их бывают двумя парламенты. Первый парламент называется «Гогор-гоус», в котором дуки, князи, бискупы и графы или все больших фамилей люди; в том парламенте только бывает два бискупа, которой парламент больше не бывает в 80 персонах или во 100 персонах, которые в консилии своем отправляют дела государственные и военные. Другой парламент называется «Лаг-гоус», в котором бывают депутаты от провинций из городов и от слобот, по нашему пасакские люди, в котором консилии советуют о торгах и о сборах денег или об иных каких податях и об иных внутренних делах своего государства или земских делех, а не о посторонних; в котором парламенте бывает 400 персон и до 500 человек.

Только такой порядок, что будет сделано в одном парламенте, и повинно те приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другим парламентом на то позволят тому быть, так и состоится, а ежели в другом парламенте на те приговоры не позволяют, то не может состояться.

Особливе все так говорят, что другой парламент «Лаг-гоус» сильнее первого парламента «Гогор-гоус».

И потом, как все установят парламентами, потом должно то предложить перед короля, только ему во свидетельство, что то сделано и приговорено было так, а не для того, чтоб королю переделать приговор парламентов, и не может того сделать...

20-го генваря... Парик с мешечком дан 14 гульденов...

Февраля 15 учился Филька оправлевать париков, дано 6 гульденов...

24 февраля... Куплен парик русой, которой за печатью с узла мохнатыми, дан 24 гульдена. Чулки черные шелковые, аглинские пол 8 гульдена, другие гарусные 5 гульденов...

Кн. Б. И. Куракин

Дома – после заграничных поездок

Усмирение стрельцов

1.

7206 г. (т. е. 1698 г.) Июня в 11 день, сказана сказка стольникам, и стряпчим, и дворянам Московским и жильцам, чтоб имена свои записывали в разряде для того, что в нынешнем 7206 году своим самовольством без указа Великого Государя идут со службы с Великих-Лук четыре приказа Стрелецких, покинув своих четырех полковников; а вместо тех полковников выбрали они стрельцы из своей братьи начальных людей четыре человека и идут к Москве собою для волнения, и смуты и прелести всего Московского государства.

И о том с Москвы после сказки по городам посланы Великого Государя грамоты, чтоб ехали всяких чинов люди не мешкав к Москве, бессрочно.

Июня в 13 день, во вторник, по указу Великого Государя генерал Петр Иванович Гордон с пехотою, с солдатами с Бутырскими и с Преображенскими и Семеновскими вступил на Ходынку и стал обозом.

И после его генерала Петра Ивавовича выступил боярин Алексей Семенович Шеин с конницею из Москвы в обоз, в среду Июня в 14 день, и того числа был смотр всем стольникам, и стряпчим, и дворянам Московским и жильцам.

Июня в 16 день, в третьем часу дня, в Тушине расписаны были роты: и кому быть у рот ротмистрами и кому где в роте; чтены имена их и заводчикам и есаулам.

И того же числа боярин Алексей Семенович с полками изволил итти в Воскресенское наскоро, и дошел того числа до Воскресенского монастыря поздно, часу в другом ночи, и в то время полки управлялись конница и пехота.

А приказы Стрелецкие, которые шли с Лук-Великих, пришли к тому же Воскресенскому монастырю, и сошлась пехота с пехотою, а не стрельцы с солдатами.

И генерал Петр Иванович Гордон с теми стрельцами говорил, и они ему кланялись и с ним говорили: «мы де идем к Москве милости просить о своих нуждах, а не драться и не биться». И они ж стрельцы той ночи, пришед к монастырю, стали, убрався обозом с пушками и со всяким ружьем, ратным ополчением.

И по утру, в субботу, боярин Алексей Семенович к стрельцам посылал от себя товарищей своих и сам им о всем изволил говорить, чтоб они, взяв жалованье, шли бы на службу в указанное число.

И стрельцы в том упорно отказали и просились к Москве повидаться с женами и с детьми; и после того просили они

из Москвы к себе жен и детей. И как де жены и дети у нас будут, куды де великий Государь нас послать укажет, туда де мы и пойдем.

И боярин Алексей Семенович приказал в полковом шатре начинать молебен и воду святить, а ротам велел убираться, так же и пехоте к бою.

И стрельцы у монастыря стоят, устроясь обозом со всяким ружьем. В то же число пели свой молебен и воду святили, и к бою многие исповедовались, и крест все целовали промеж собою, что им умереть друг за друга, без всякие измены.

И после молебного пения боярин и воевода Алексей Семенович приказал идти своим ротам, и поставлены были те роты на горе против их Стрелецкого обоза, сажень во шестьдесят, а генерал Петр Иванович Гордон с пехотою с солдатами стал, выбрался с пушками по другую сторону против их обоза, на горе.

И после того полкового управления и убора, боярин Алексей Семенович посылал к ним к их Стрелецкому обозу говорить посыльного Тимофея Ржевского, чтоб они ружья покинули и вышли б из обоза и в виностях своих Великому Государю добили челом, и Великий Государь в вине их пожалует, простит. А будет они стрельцы ружья свои не покинут, и из обоза с виной не выдут, и боярин – Алексей Семенович велит к ним в обоз и по них стрелять из пушек без милости.

И стрельцы в том Ржевскому отказали, и из обоза своего не вышли своим непокорством, и говорили сами, чтоб по

них из пушек стрелять: «мы де того не боимся; видали де мы пушки и не такие».

И боярин Алексей Семенович, видя их такое к себе непокорство и злое их такое намерение, приказал по ним стрелять из пушек. И по ним из пушек почали стрелять. И стрельцы ударили по барабанам тревогу, и все стали под знаменами и по уреченным местам в обозе, и почали стрелять из своих полковых пушек из обоза; только от них вреда мало чинилось, Бог хранил, а только ранили небольших: а у них убыток стал быть и утрата от пушек великая. И они почали шапки махать и знамена свои положили и почали из обоза бежать и к боярину выходить; а попы их полка взяли на руки полковые иконы и пошли из обоза вон; а из пушек стрельба не унялась; а иные пошли было из обозу на вылазку, только оторопели; и последние вышли из обоза, и их выгнали в роты к коннице и гнали их, как животину, до Воскресенского монастыря, и в монастыре их посадили по разным кельям за карулом.

А боярин пошел в соборную церковь и слушал молебен, и после молебного пения кушал по позыву у архимандрита.

И с тем от себя боярин послал сеунчим Михаила Приклонского.

И после того стрельцов разбирал и смотрел боярин Алексей Семенович и спрашивал у тех полков у стрельцов: кто воры и кто добрые люди? и которые были на Москве и бунт заводили? И их о том о всем спрашивали и пытали; и после распроса и пытки наперед казнили беглецов, которые при-

ходили к Москве, двадцать четыре человека.

И после той казни, Июля в 27 день, в воскресенье, прислан с Москвы окольный князь Федор Иванович Шаховской.

И того же числа он боярина и воеводу Алексея Семеновича спрашивал о здоровье и службу его милостиво похвалял, так же товарищей и его полка полчан, стольников и стряпчих и дворян Московских и начальных людей солдатских полков. И того же числа стреляли из пушек про Государское здоровье.

И после того были розыски великие и пытки им стрельцам жестокие; и по тем розыскам многие казнены и повешены в их Стрелецком обозе, где они чинили противность; а иные вешены по дороге. А в обозе их побито и ранено всего сто семь человек; а казнено пятьдесят семь человек.

Июля в 3 день, в воскресенье, в Воскресенском по указу Великого Государя и по грамоте с Москвы из Стрелецкого приказа большего полка боярина и воеводы Алексея Семеновича всех ратных людей его полка ему боярину Алексею Семеновичу велено их ратных людей распустить, пересмотря всех на лицо по своему рассмотрению. И того же числа все ратные люди по указу распущены. А достальных стрельцов разослали в ссылку по разным городам; у всякого человека забито на ногу по деревянной колодке. А подводы были под тех стрельцов монастырские: Троицы Сергиева монастыря и иных разных монастырей.

И после того по указу Великого Государя, из Преобра-

женского посланы были грамоты в разные города по стрельцов, которые были посланы из Воскресенского монастыря для взятия тех стрельцов к розыску.

И потому Великого Государя указу те стрельцы из разных городов привезены были к Москве в Преображенское. И в Преображенске те стрельцы распрашиваны порознь; а после расспросов пытаны в разных застенках, и розыски были непрестанные. А всех было 20 застенков, а в тех разных застенках были у всякого застенка бояре, и окольные, и думные дворяне. И с пыток те стрельцы винулись, и говорили про свое воровство и про умысел на многих людей. И потому их оговору те люди братья в Преображенском, и давано им с теми людьми в застенке очные ставки, и с очных ставок пытаны ж.

Также брали из девичья монастыря боярынь, и девок и стариц в Преображенское, и в Преображенском оне распрашиваны, а по распросам пытаны...

И по розыску те стрельцы казнены разными казнями. И по всем дорогам тех стрельцов тела кладены на колеса были по десяти человек, а сквозь колеса в ступицы проткнуты в колья их стрелецкие головы. А иные повешены были по всему земляному городу, у всех ворот по обе стороны. Также и у Белого города, за городом у всех ворот; по обе ж стороны сквозь зубцов городских стен просунуты были бревна и концы тех бревен загвождены были изнутри Белого города, а другие концы тех бревен выпущены были за город, и на тех

концах вешаны стрелыцы, а иные вешаны на девичьем поле пред монастырем и в руки воткнуты их челобитные, а в тех челобитных написаны против их повинки. Также у их стрелецких съезжих изб они, стрелыцы, вешаны человек по двадцати и по сороку и больше; а пуще из них воры и заводчики: у них за их воровство ломаны руки и ноги колесами. И те колеса воткнуты были на Красной площади на колья и те стрелыцы за свое воровство ломаны живые положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали.

И по указу Великого Государя один из них застрелен из фузеи, а застрелил его Преображенский сержант Александр Меньшиков.

А попы, которые с теми стрелыцами были у них в полках, один перед Тиунскою избою повешен, а другому отсечена голова и воткнута на кол, а тело его положено было на колесо также, что и стрелыцы.

А в Преображенске у того розыска были и тех стрелыцов казнили бояре и все палатные люди сами топорами и палашиами.

А жен их стрелецких всех распускали, кто куда хочет, только б они на Москве не были. И тех стрелычих брали к себе по деревням всяких чинов люди. А которые стрелыцы были на службе по разным городам, и к ним сосланы жены их с детьми на вечное житье. А дворовое их строенье велено им стрелычихам продавать: и оне то строенье продавали вся-

ких чинов людям. А те их стрелецкие места дворовые, раздаваны всяких же чинов людям.

Да по оговору ж и по расспросу питаны верховые певчие, которые были вверху у Царевны в разных комнатах. И после попыток те певчие розданы разных чинов людям с росписками...

Февраля в 3 день, по указу Великого Государя, казнили на Красной площади стрельцов, которые явились в измене в Воскресенском, а казнили их Преображенского полка прапорщик Андрей Михайлов сын Новокщеной, да палачи Петрушка с товарищами.

У казни был сам Великий Государь, да боярин князь Михайло Никитич Львов, так же и иные прочие.

Того ж числа на болоте казнены стрельцы; всего казнено на болоте 49 человек.

Февраля в 4 день кликали клич Преображенские солдаты на площади, перед Николою Гостунским, чтоб ехали в Преображенское стольники, и стряпчие, и дворяне Московские и всяких чинов люди, кто хочет смотреть разных казней, как станут казнить стрельцов и козаков Яицких, а ехали б в Преображенское без опасения. И того же числа в Преображенском казнены стрельцы, а иные четвертованы; всего их казнено 192 человека.

А. Желябужский

2.

Петр I, бывший тогда в Вене, получив известие об этом мятеже, отправился как можно скорее назад в Москву через Польшу, однако ж прибыл бы очень поздно и, может быть, приведен бы был в очень затруднительное положение, если бы генерал Гордон не нагнал мятежников и не потушил мятежа, прежде нежели он вспыхнул. Этот храбрый человек, которому Петр при отъезде вверил начальство над своими новыми полками, с невероятной быстротой стянул их, двинулся с ними потом на путь мятежников, прежде чем они соединились, разбил и рассеял их малые отряды, и напоследок так окружил их главное войско, что оно должно было сдаться на милость и немилость.

И так Петр I нашел все успокоенным при своем возвращении, однако ж не счел благоразумным миловать мятежников, а, напротив, воспользовался этим случаем для решительного уничтожения всего войска стрельцов, без различия правых и виновных. Как велико должно быть число казненных стрельцов при совершении этого приговора, можно заключить из того, что не только изо всех бойниц трех стен, окружающих город Москву, выставлены были бревна, и на каждом из них висело по 3 и по 4 стрельца, но и вся торговая площадь в Москве устлана была сплошь плахами, на которых ложились рядом осужденные на смерть мятежники

и протягивали шею для удара Царю, который не только собственной высокой особой потешал себя этой работой, но побуждал еще к тому и своих Бояр.

С этой казни или лучше побоища до самой своей смерти Петр I пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах, без малейшего противоречия, и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самых Князей Царского рода, упрятывал детей их в самые низкие должности, даже делал слугами в каютах (Kajuten jungen), всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения никакой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой; одним словом, располагал их жизнью и имуществом без малейшего уважения, по собственной воле и произволу.

Никогда, однако ж, не оказывалось никакого тайного общества, или заговора, против его особы, или самодержавия, несмотря на то, что он и потом проживал по целым годам в иноземных краях и употреблял большую часть своего войска за границей, хотя несчастное начало Шведской войны, и смуты, от времени до времени поднимаемые Казанскими Татарами, Донскими Казаками и жителями Астрахани, а особливо недоразумения у него с его наследником Царевичем, подавали беспокойным умам довольно случаев к волнениям.

У вышеупомянутого наследника никогда не было ни намеренья, ни духа на составление замысла против правления, или жизни отца. Он никогда ничего и не искал больше того, как бы ему привести себя в безопасность от ненависти и гонения отца, как бы при том пользоваться тою свободой, чтобы каждый день бражничать с своими Попами да с прочими любимцами, обыкновенно негодными и недостойными людьми и вовсе не утруждать себя никакими делами.

И. Фоккеродт

Петр в Москве

Сентября 2, 3, 4 (1698 г.)... Вечером прибыл в Москву его Царское Величество с двумя своими Послами Генералом Лефортом и Феодором Алексеевичем Головиным, а также с несколькими другими лицами, выдающимися своим достоинством или влиянием. Пресветлейший Польский Король дал в провожатые Царю Генерала Начальника стражи Карловича и некоего знатного Польского юношу, влиятельного при Королевском Дворе; его Царское Величество всемилоостивейше пожелал, чтобы эти лица проследовали, сопутствуя ему, вплоть до Столицы. По возвращении Государь не пожелал остановиться в обширнейшей Резиденции Царей, Кремлевском Замке, но, посетив с необычною в другое время для его Величия любезностью несколько домов, которые он отличал перед прочими неоднократными знаками своей

Милости, он удалился в Преображенское и предался там отдохновению и сну среди своих солдат в черепичном доме.

5-го. Между тем по городу пронесся слух, что приехал Царь. Бояре и главные из Москвитян в огромном количестве стекаются в назначенное для представления время туда, где, как было известно, отдыхал Царь. Велико было число поздравителей, желавших этой быстрой угодливостью выразить своему Государю постоянную и незапятнанную верность. Первый Посол Франц Яковлевич Лефорт не допускал в этот день к себе никого из своих клиентов, под предлогом усталости, которую причинили ему невзгоды столь продолжительного и непрерывного путешествия; между тем его Царское Величество принимал каждого из приходящих с такою бодростью, что, казалось, хотел предупредить усердие своих подданных; тех, которые, желая по своему обычаю почтить его Величество, падали перед ним ниц, он благосклонно поднимал, и, наклонившись, как только мог, целовал их, как своих близких друзей. Если только может быть забыта ненависть от обиды, которая причинялась ножницами, без разбору свирепствовавшими против бород присутствующих, то, разумеется, Московиты должны считать рассвет этого дня среди моментов своего счастья. Князь Алексей Семенович Шеин, Воевода Царской службы, первым подставил под ножницы препону своей слишком длинной бороды. Да им и нет основания считать это бесчестием, раз виновником этого является Государь, а они считают священным

долгом пожертвовать самую жизнь по его произволу или распоряжению. И никто не подвергался насмешкам со стороны прочих, так как всех постигла одинаковая участь. Избавлены были только Патриарх по суеверной святости к его сану, Князь (Михаил) Алегукович Черкасский из уважения к его преклонным летам и Тихон Никитич Стрешнев по почетной должности Царского оберегателя. Всем прочим пришлось перейти к обычаю иноземных народов, причем ножицы уничтожали у них древнее обыкновение. Среди бесед об иностранных Государях, которых он посетил, Царь с особым уважением упомянул о Короле Польском. «Вы все и каждый в отдельности» (так говорил он предстоящим Боярам и Вельможам) «не стоите для меня его одного, не по высоте его Королевского достоинства, чем он выходит за пределы вашего жребия, но исключительно из любви к нему, а это очень часто соединяет и сердца частных лиц». Такое влияние имело трехдневное свидание, во время которого Царь наслаждался дружеским обхождением Короля. И доселе еще он хвастливо носил то оружие, которым обменялся с Королем, желая указать, что заключенный с ним дружеский союз теснее и крепче Гордиева узла и не может быть никогда расторгнут никаким мечем.

6-го. Царь смотрел на воинские упражнения своих полков; как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе, уча наклонением собственного те-

ла, какую телесную выправку должны стараться иметь эти беспорядочные массы; наконец, когда ему надоело это грубое сборище, он отправился с толпою бояр на пиршество, которое по его желанию устроил его Посол Лефорт. Ликование при заздравных чашах усиливалось радостными звуками пушечных выстрелов, и веселое пиршество затянулось до позднего вечера. Под покровом ночной тишины Царь с очень немногими из самых верных приближенных поехал в Кремль, где дал волю своим Отцовским чувствам по отношению к своему сыну Царевичу, очень милому ребенку, трижды поцеловал его и осыпал многими другими доказательствами отцовской любви; после этого он вернулся в свой черепичный дворец в Преображенском, избегая видеться с Царицей, своей супругой; она ему противна, и это отвращение усилилось от давности времени...

14-го... Пир не был окончен, как его Царское Величество, полный ярости после горячего разговора со своим Воеводой Шеиным, оставил свое место. Сначала никто не знал его намерения, а потом открылось, что он ушел для расспросов солдат, чтобы осведомиться, сколько Полковников и других полковых офицеров произвел выше названный Воевода за одни только деньги, не обращая внимания на их заслуги. Немного спустя он вернулся, и гнев его усилился до такой степени, что он обнажил меч и ударил им по столу пред глазами Воеводы со следующей угрозой: «Так поражу и истреблю я твой полк!» В пылу справедливого негодования он

отходит к князю Ромодановскому и Думному Никите Моисеевичу; но, заметив, что они пытаются оправдать Воеводу, Царь распалился так, что, нанося обнаженным мечем без разбору удары, привел в ужас всех собеседников: Князь Ромодановский получил легкую рану в палец, другой в голову, у Никиты Моисеевича, при движении меча наотмашь, была повреждена рука; гораздо более гибельный удар готовился Воеводе, который несомненно упал бы от Царской Десницы, обливаясь собственной кровью, но Генерал Лефорт (которому почти одному это позволялось), обняв Царя, отвел его руку от удара. Царь, однако, пришел в сильное негодование от того, что нашлось лицо, дерзнувшее помешать последствиям его вполне справедливого гнева, тот час обернулся и поразил неуместно вмешавшегося тяжелым ударом в спину; поправить дело могло одно только лицо, занимающее первое место среди Москвитян по привязанности к нему Царя. Говорят, что этот человек вознесен до верха всем завидного могущества из низшей среди людей участи¹³. Он успел так смягчить Царское сердце, что тот удержался от убийства, ограничившись одними угрозами. Эту жестокую бурю сменила приятная и ясная погода. Его Царское Величество с веселым выражением лица принял участие в танцах и в доказательство особенной любезности велел музыкантам играть те пьесы, под которые (как говорил он) «он танцевал у любезнейшего Государя, своего брата», т. е. во время приема Августейшим

---

¹³ Очевидно, имеется в виду Меншиков. (Сост.)

Хозяином своих Пресветлейших гостей. Две жившие в доме девушки, пробравшиеся украдкой, были по приказанию Царя выведены солдатами. Снова 25 пушек приветствовали задравные чаши, и приятное пиршество затянулось до половины шестого часа утра.

И. Корб

И по указу государеву из всех городов велено быть воеводам к Москве к смотру; также которые были в посылках Декабря в 1 числу, и о том в города посланы грамоты. И всех воевод и посыльных людей изволил смотреть сам Государь, в Преображенском на генеральном дворе, а кликали их по одному имени.

Кликал разрядный дьяк Федор Замятнин, а Государь изволил смотреть по тетради и ставить крыжи над именами.

Иван Данилов сын Наумов на смотре бит батоги нещадно за то, что у него борода и ус невыбриты.

И после смотра им воеводам была сказка, чтоб у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев, а с Москвы им без указа ездить не велено.

А. Желябужский

* * *

Августа в 26 день (1700 г.) прибиты по градским воротам указы о платье Французском и Венгерском и для образца по-

вешены были чучелы, сиречь образцы платья...

А. Желябужский

* * *

Его величество, отменяя старинные обряды, изъясляющие униженности человечества, в 1701 году, декабря 30-го дня, запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полного имени Дмитрия Митькой или Ивашкою, чтоб не падать пред ним на колени, и чтоб зимою, когда морозно, не снимать шляп и шапок с головы, проходя мимо того дворца, где обитает государь, говоря о сих обычаях так великодушно: «Какое различие между Бога и Царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Коленопреклонное моление принадлежит Единому Творцу за те блага, какими Он нас наградил. [К чему] уничтожать звание, безобразить достоинство человеческое, а в жестокие морозы почесть делать дому моему бесплодную с обнаженною главою, вредить здоровье свое, которое милее и надобнее мне в каждом подданном паче всяких бесполезных поклонов? Менее низкости, более усердия в службе и верности ко мне и государству – сия-то почесть свойственна царю».

А. Нартов

* * *

Примечание. Указ Петра о неупотреблении уменьшительных имен см. в П. Собр. Закон., № 1184. Распоряжение об отмене коленопреклонения последовало позже: по словам Штелина (Анекдоты, с. 121), оно было вызвано тем, что в первые годы по основании Петербурга улицы не были в нем вымощены; мощение их началось не ранее 1714 года.

* * *

Того года (1698 г.) началась в нашем государстве кавалерия святого Андрея; и первая одна Федору Головину, другому – гетману Мазепе...

Того же года состоялся указ носить платье венгерское; и потом, спустя с полгода, состоялся указ носить всем платье, мужское и женское, немецкое. И для того были выбраны по воротам целовальники, чтоб смотреть того, и с противников указу брали пошлину деньгами; и также платье резали и драли. Однако ж чрез три года насилу устались.

Того года начались прибыли. Первая выдана человеком боярским Бориса Шереметева Алексеем Курбатовым, который ныне во дьяках и реентом в бурмиской палате, или в ратуше, а прежде того сидел в оружейной палате, которой вы-

мыслил на Ивановской площади продавать бумагу за разными величеством гербами, и всякие приказные письма между челобитчиков и крепости писать, как о том показано в указе. И с того сбора собиралось во всем государстве с той бумаги тысяч по 300. И с того числа почали умно жаться прибыли.

И того года в Москве ночью ворота стали запирасть часть (час) ночи, а отпирать за час до свету, также и в набат бить всегда непременно за час до свету, а с вечера час ночи, а не так как старой обычай был: в малые ночи – час ночи, а в большие – два часа ночи. А будет, кто ночью похочет пройти, с человека и с лошади по копейке.

Того же года был пожар на Москве великой, как вошли послы шведские, так что весь Китай выгорел и другие места в Белом городе по Неглинку...

Кн. Б. И. Куракин

* * *

Время произвело великие перемены в этом Государстве, в особенности со времени возвращения Царя из путешествия. Прежде всего он повелел изменить род одежды, как мужской, так и женской, и особенно распоряжение это касалось до придворных лиц, которые исправляли там различные должности, кто бы они ни были, даже самые дети. Таким же образом стали одеваться и Русские купцы и другие Рус-

ские люди, так что по одежде их нельзя отличить от наших соотечественников. В тот же год обнародован был Указ, воспрещавший всем Русским выходить за городские ворота не в Польском кафтане, или не в нашей (Голландской) одежде, чулках и башмаках. Иностранные слуги первые обязаны были исполнять этот Указ, за нарушение коего стража срывала их с запяток саней и взыскивала с них известную пеню, после чего и отпускала их; но Указ этот не касался ни крестьян, ни сельских жителей вообще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.